

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Вера Эристави

18+

Один раз
не считается

Вера Эристави
Один раз не считается
Серия «Питерские истории», книга 1

<https://litres.ru/74360074>

SelfPub; 2026

Аннотация

****Аннотация****

Ночной Петербург, шумная вечеринка, случайная встреча — и одна трещина, после которой привычная жизнь Ланы начинает рассыпаться.

Она привыкла быть женой, матерью, удобной дочерью и женщиной, которая слишком долго молчит. Но одна ночь запускает цепочку событий, где каждый оказывается не тем, кем кажется, а обычная игра в «Мафию» внезапно становится способом добраться до правды.

В этом городе любят красиво говорить, пить кофе после полуночи и прятать тайны за улыбками. Но рано или поздно любая игра заканчивается.

И тогда приходится решить: остаться в чужом сценарии — или наконец выбрать себя.

Содержание

1.	4
2	29
3	53
4	82
5	99
6	111
7	123
8	134
9	146
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Один раз не считается

1.

Ночной Петербург — совершенно иной мир. Под лунным светом и блеском фонарей Невский проспект словно сбрасывал дневную суету и облачался в бархатный фрак. Живой, шумный, пьяный, он совсем не походил на дневной, будто сама темнота стирала границы между явью и сном. В барах и кафе, на улицах и в квартирах, на Ваське или на Дворцовой — везде собирались люди. Друзья, знакомые, туристы. Смех, споры, чужие откровения и разговоры о будущем витали в воздухе, смешиваясь с запахом сигарет и майской сирени. Люди, которые еще днем еле двигались от усталости на работе, сейчас заново рождались. Сон откладывали на потом — Петербург по ночам жил слишком жадно.

В этот раз компания собралась разношерстная: молодые писатели и сценаристы, все еще уверенные, что однажды их тексты изменят чью-то жизнь; опытные артисты театра, привыкшие играть даже тогда, когда молчали, и новички на сцене, чьи сердца бились в предвкушении славы. Юные художники, чьи полотна еще не высохли от свежей краски, и матерые дизайнеры, чьи проекты уже формировали облик завтрашнего дня. Все говорили одновременно — о спектаклях, новых проектах, чужих сценариях и будущем, которое каза-

лось таким близким после второго бокала.

Среди монотонных теней то и дело вспыхивали красные огоньки сигарет. В помещении было прокурено и дышалось с трудом. Но кто-то постоянно хлопал дверью балкона, на мгновение впуская влажную невскую прохладу.

Девушки звонко чокались бокалами игристого, перебрасываясь сплетнями сквозь шум и музыку. Серьезные парни из техникума обсуждали минувший матч и новые постройки на другом берегу, их спор напоминал шум верфи за Невой.

Лана Серебрякова, высокая, стройная блондинка, сидела в стороне, медленно потягивала шампанское. Тонкие пальцы с безупречным алым маникюром нервно постукивали по стеклу бокала, и она вполуха слушала своего собеседника. Сквозь мутное стекло балконной двери пробивался холодный свет фонаря, похожий на далекий маяк. Лана даже не смотрела в ту сторону. Она еще в самом начале вечеринки с большим трудом вылавливала знакомых, чтобы отметить и пообщаться, но постепенно все находили себе кружки по интересам. Часы показывали почти полночь, но людей меньше не становилось, словно кто-то перенес в тесную квартиру шумную Дворцовую в разгар белых ночей.

Уйти молча она не могла — как-никак день рождения знакомой, которую она толком не успела поздравить. Та металась по квартире без остановки, как речной трамвайчик в разгар сезона. Но и тягучие комплименты лысеющего поэта утомляли не хуже долгих прогулок вдоль серых набережных.

Людей было так много, что в какой-то момент захотелось все бросить и бежать. Вниз по лестнице, на улицу, навстречу питерской вечерней прохладе, что несла с собой запахи Невы и грядущего утра. Щеки Ланы вспыхнули алым раздражением. И она сделала еще глоток, глядя, как в игристом тонут яркие блики от чьей-то зажигалки.

Поэт, горько улыбнувшись, отступил. Отправился на поиски более общительной музыки, способной подарить ему пару минут своего времени.

Лана облегченно выдохнула, отгоняя мысли о чужой обиде. В конце концов, он сам решил подойти к ней и заговорить.

Девушка обвела взглядом помещение, в котором находилась: сквозь табачную дымку пробивался пыльный желтый свет старой люстры, превращая комнату в пожелтевший от времени снимок. Гости уже успели осушить не по одному бокалу, и хмель медленно, но верно брал свое. Кто-то уже целовался в углу, пряча шепот между короткими поцелуями.

Холодный свет фонаря за окном рассекал тьму, словно хирургический разрез.

Серебрякова сама не понимала, чего хочет: ей одновременно хотелось и веселья, и покоя. С одной стороны, она соскучилась по живому общению, просидев в четырех стенах практически весь месяц, а с другой — хотелось оказаться в той звенящей тишине, которая бывает только в старых квартирах с высокими потолками, не думая о проблемах.

Девушка сделала еще глоток холодного игристого, отмечая, что в бокале почти ничего не осталось. Выбор казался почти мучительным: налить еще шампанского или наконец уйти. Лана покрутила бокал за тонкую ножку, разглядывая свои алые ногти несколько секунд, и подняла глаза.

К ней протиснулся мужчина в помятом сером пиджаке, чье присутствие казалось Лане пыльным и неуместным этим вечером. Его взгляд скользил по ее плечам с такой откровенностью, что девушка невольно поежилась. Он пробормотал что-то невнятное о «необыкновенной женщине» и попытался взять ее за руку. Пальцы незнакомца показались ей жирными и противными, но выдергивать ладонь было бы слишком невежливо. Лана лишь натянуто улыбнулась, чувствуя, как внутри медленно закипает багровое раздражение. Вечер начинал надоедать бесконечными охотниками за ее вниманием. Хотя девушка никогда не считала себя красавицей, она понимала, после нескольких бокалов даже случайная женщина в полумраке казалась почти произведением искусства.

— Шиповник алый нежен? Ты — нежней.

Китайский идол пышен? Ты — пышней.

Слаб шахматный король пред королевой?

Но я, глупец, перед тобой слабей!¹

Лана на мгновение задержала дыхание, чувствуя, как щеки снова заливают румянец. Что-то внутри болезненно откликнулось на эту старомодную нежность. Мужчина краси-

¹ “Шиповник алый нежен”, Омар Хаям

во говорил, его голос ласкал слух, и девушка невольно предалась воспоминаниям. Когда-то давно, на одном из лучших свиданий в ее жизни, она стояла и любовалась разводным мостом, чей тяжелый пролет медленно опускался, отрезая темную воду от огней ночного города. А рядом с ней, облокотившись о парапет, стоял будущий муж и негромко читал ей красивые стихи. Тогда она еще даже не подозревала, что побежит с ним под венец, а он, как позже признался, был в этом уверен с первых минут знакомства.

Лана была юна, наивна, верила любым словам, особенно прекрасным и о любви. Ведь мать уверяла, что в браке любви нет, нужно лишь найти подходящего человека, который станет обеспечивать, а она будет прилежной женой. Ей же хотелось верить в чувства, получать яркие эмоции, впечатления. Лишенная всего этого в детстве, Серебрякова рвалась навстречу любым приключениям, лишь бы почувствовать хоть что-то. И даже сейчас слова поэта отзывались внутри почти забытым волнением. Ведь уже очень давно никто не читал ей стихи! И то, что мужчина изначально показался ей неприятным, растворилось в очаровании этого короткого момента.

— Как зовут вас, прекрасная дева?

Лана вздрогнула, возвращаясь в шумную квартиру из собственных мыслей, и одарила его чуть более дружелюбной улыбкой.

— Лана, — представилась она и аккуратно все же высвободила руку.

— А я — Иннокентий, — поэт смущенно улыбнулся. — Знаю, не самое популярное имя, да и шуточек многовато, но...

— Нет-нет, мне нравится, — Лана решила немного подбодрить собеседника. Сейчас редкое имя звучало почти неожиданно. Многим хотелось выделиться, поэтому и детей называли странно, якобы модно. — Кеша.

Иннокентий смутился еще больше, но согласно кивнул.

— Я вас покину ненадолго, но думаю, мы еще встретимся сегодня, — Серебрякова едва коснулась ладонью его плеча, и торопливо направилась на поиски кухни, нырнув в длинный коридор, тянувшийся, как старый петербургский тоннель. Ей хотелось сохранить хорошее впечатление от короткого диалога, пока Иннокентий не попытался приударить за ней. Она слишком хорошо знала этих застенчивых, неопятных поэтов, которые неловко шутили и неумело флиртовали.

По пути Лану успел приобнять бывший однокурсник, напомнивший о шумных студенческих временах, чмокнуть в щеку старая знакомая и ласково ущипнуть за локоть старшая сестра именинницы.

Добравшись до импровизированного убежища, девушка облегченно выдохнула: наконец-то здесь никого не было. Ни поэтов, ни пьяных, ни кого-либо еще, словно за дверью кухни начинался один из старых петербургских дворов, где даже воздух звучал тише.

Слишком много людей, особенно незнакомых. Ей еще по-

везло встретить тех, кого она знала хотя бы в общих чертах. Кэт обожала шумные вечеринки, где половина гостей не знала друг друга, поэтому разрешала приводить с собой друзей и знакомых. Единственным условием хозяйки было то, что каждый гость должен «оставлять след» в книге посещений на входе — своеобразную летопись одной шумной ночи.

Лана прикрыла глаза, надеясь, что передышка не окажется короткой, но ошиблась. Девушка успела только поставить чайник и достать кофе из шкафчика.

— О, Лана! Вот ты где!

На пороге появилась Мария Ковалева, широко улыбаясь. Правда ее все называли Егоровой по девичьей фамилии, но иногда раздражало супруга. Но привычка — вторая натура.

Маша распахнула объятия в ожидании, и Лане пришлось нырнуть в них, замирая на какое-то время. Лучшая подруга слегка «придушила» ее и отпустила. Будто не виделись час назад на другой стороне квартиры, где небольшая компания девчонок решила погадать на картах.

— О, кофе! Блондинка на кухне — это к удаче!

— Шатенка без кофе — к дождю.

Девушки рассмеялись, и Лана охотно наполнила чашку сперва подруге, затем наконец себе. Хотелось немного прояснить сознание после пары-тройки бокалов игристого.

Марí, как на французский манер называли ее все, села напротив и начала, жестикулируя, рассказывать о работе, о садике сына, о планах на второго ребенка. Она говорила быст-

ро и легко, перескакивая с одной темы на другую, как вода в узких каналах после дождя.

— ...и я ему говорю, давай! Пока я молода и бодра, надо рожать.

Лана лишь кивала.

Раньше ей все говорили: вот родишь, вырастишь детей, и всё, можно заниматься своими делами. Любая мать мечтает о самостоятельных чадах, которые не дергают её по любому поводу, играют сами, но в случае Ланы это так и оставалось недоступной мечтой. С детьми тишина всегда длилась недолго — ее сметали так же внезапно, как невский сквозняк захлопывает двери в старых квартирах. Лишь ночью, когда все засыпали, девушка могла побыть наедине с собой.

— ...а еще мама мне говорит, можешь из декрета раньше выйти, мы поможем с обоими, к тому же...

Маша продолжала говорить, будто забыв совсем про кофе. Лана по-прежнему кивала, смотря на подругу, но мыслями уже была в другом месте.

Как бы ей ни хотелось сбежать отсюда и в то же время оставаться до утра, девушка с тоской подумала о необходимости идти домой, где, наверное, уже чутко спали дети. Они всегда были готовы проснуться от любого шороха, а муж наверняка уже спал, заняв собой всю кровать, будто в этой квартире и правда не осталось места ни для кого, кроме него.

Возвращаться в клетку Серебрякова не хотела.

Свобода манила ее так же сильно, как ночной город за ок-

нами квартиры.

Свекровь помогала с детьми, но не всегда: работа и вечная усталость брали свое. Она старалась не отказывать невестке, однако Лана видела — той тоже до боли хочется тишины. Поэтому девушка не хотела злоупотреблять ее добротой.

За пределами кухни слышались голоса. Скорее всего, прибыли новые люди, и на экране мобильного телефона высветился час ночи. Лана чуть качнула головой. Чем больше людей, тем меньше шансов, что она сумеет ускользнуть, ведь среди них обязательно найдутся еще знакомые, которым захочется поговорить по душам. Вечеринка все больше напоминала лабиринт проходных дворов, из которого никак не удавалось выбраться.

Марі приоткрыла дверь и помахала кому-то, широко улыбаясь. Лана же постаралась сжаться и стать меньше, незаметнее, чтобы больше не привлекать к себе лишнего внимания. Но даже так она успела перехватить чей-то взгляд, липкий, как сырой невиский туман. Она отвернулась.

Почему-то некоторые считали, что женщины не хотят работать, а мечтают запереть себя в клетке брака. Лана же снова хотела найти хорошо оплачиваемое место, с дружным коллективом, со своими маленькими традициями. Она мечтала вновь почувствовать себя полезной и нужной, чтобы её хвалили за проделанную работу и чтобы она снова чувствовала вес честно заработанных денег. Надоело зависеть от мужа. Но пока дети были маленькими, карьерные перспекти-

вы казались ей такими же далекими, как разведенные концы моста глубокой ночью. Да и кому нужна молодая женщина с двумя малышами, которых некому оставить? Сейчас сад, потом школа. А продленка отнюдь не до вечера.

— Ооо, — протянула Мари́. — Смотри, это же Кэт! Пойду к ней, — подруга подскочила и у самого порога обернулась. — А тебе надо развеяться! Хватит сидеть тут, — Мари́ уже сделала шаг, но вдруг вспомнила что-то и снова оглянулась. — Тебя, кстати, искал Артём. Он где-то здесь.

— Правда? — Лана на мгновение оживилась, но недопитый кофе остался на столе, а Егорова уже умчалась к знакомой.

Развеяться? Скорее раствориться в этом пьяном шуме чужого веселья. Но услышав про Артёма, Серебрякова немножго встрепенулась. Брат Мари́ мог стать её сигнальным буюм в этой мутной воде гостей. Хоть он и был младше на пять лет, общаться им это не мешало. Она знала, что нравилась ему с детства. Иногда его привязанность казалась девушке слишком сильной, почти навязчивой, но Серебрякова привыкла называть это крепкой дружбой. Он всегда откликался на зов, даже если находился на другом конце города. Подвезти, помочь, поговорить — всегда готов и в отличном настроении. В отличие от хмурого мужа, чье внимание стало редкостью, Артём охотно соглашался на все, не задавая вопросов.

Осторожно выглянув в коридор, Лана снова торопливо спряталась на кухне. За окном стояла глубокая ночь, а квар-

тира всё шумела: играла музыка, кто-то брэнчал на гитаре, слышался смех. Где-то слышится мелодичный смех совсем юных девиц. Все они там, за порогом ее убежища. Хочется затеряться в этом калейдоскопе незнакомых лиц и навязчивых взглядов. Один особенно липкий взгляд она чувствовала уже несколько минут – от мужчины в бордовой рубашке, примостившегося у барной стойки. Даже несмотря на то, что их разделяли люди и почти прикрытая дверь, это не мешало ему смотреть в ее сторону.

Лана тихо вздохнула. Может, конечно, подруга была и права, и в самом деле стоило расслабиться, хотя бы немного. Убрав кофейную кружку в раковину, она подхватила с дальнего столика свежий бокал игристого. Делая глоток, Лана попыталась отогнать дурные мысли.

Она была удивлена вниманию мужа в последнее время, но эта забота ощущалась как тяжелое зимнее пальто, которое надели на тебя в душном помещении. Олег поцеловал на прощание перед работой, пообещал “наверстать упущенное”, хотя до этого она ни о чем не просила и даже не намекала. В садике перед летними каникулами начались репетиции, надо было ходить, искать костюмы, помогать детям мастерить подарки.

Что и когда он собирался наверстать? В следующей пятилетке их унылой семейной жизни? Они будто жили рядом по привычке, забыв, как быть по-настоящему близкими.

Они давно не ходили на свидание, не проводили время

вдвоем без детей, не разговаривали толком. Поэтому Лана была одновременно и удивлена, и растеряна, и... рада? Или нет?

Девушка дотронулась подушечками пальцев до губ, все еще ощущая след от поцелуя мужа. Поцелуй Олега почему-то ощущался почти чужим и выбил её из равновесия. Артём бы так не поступил — он всегда чувствовал её настроение с пугающей точностью.

В последнее время девушка все чаще сравнивала мужа с другом. Пыталась анализировать поведение Олега, но не понимала: искренен ли он в своих скупых и редких порывах. Они будто постоянно ждали чего-то друг от друга, но давно перестали говорить об этом вслух.

Лане вдруг отчаянно захотелось воздуха, решила добратсья до балкона. Если она правильно помнила, он здесь был большим и достаточно уютным. Крепко держа бокал с шампанским, девушка покинула кухню. Протиснулась сквозь толпу, чувствуя мимолетные касания чужих тел, слыша обрывки чужих разговоров. Этот путь сквозь толпу казался ей почти спасением — возможностью наконец вдохнуть свободнее.

Скрипнула старая балконная дверь, выпуская Серебрякову в прохладную петербургскую ночь. Воздух был влажным и пах Невой. Внизу мерцали огни проезжающих машин, вдалеке темнели старые дома с редкими светящимися окнами. Тишина здесь казалась оглушительной после гама вечерин-

ки. Лана прислонилась к холодным кованым перилам, закрыла глаза, пытаясь унять колотящееся сердце. Побывать наедине с собой.

Одним глотком допив игристое, она отставила бокал на подоконнике и аккуратно присела на диван, опуская веки. Сон ускользал от неё все чаще, растворяясь где-то между ночными пробуждениями и ранними подъемами. То детям утром не спится, то ей надо рано вставать по делам, то внезапно муж проявлял интерес к её телу, что уже давно перестало приносить ей радость. Он попросту перестал возбуждать девушку. Возможно, виной всему отсутствие романтики, спонтанных побегов из дома навстречу приключениям или даже ласковых слов.

О хорошем сексе оставалось только мечтать. У них с Олегом не получалось расслабиться. И уединение походило больше на исполнение супружеского долга, нежели на моменты удовольствия. Секс стал неинтересным. А Лане и здесь хотелось ярких эмоций: кричать, стонать, извиваться под его телом, менять позы до головокружения. А не лежать на спине, отсчитывая минуты до завершения. Она не ощущала себя желанной в этой спешке. Хотелось снова ловить на себе восхищенные взгляды, чувствовать, что её действительно хотят. Но муж разогнал всех, а сам не всегда вспоминал, что жена — это тоже женщина, которой хотелось цветов, подарков и свиданий. Просто прогуляться вечером по набережной, выпить глинтвейн и поговорить о чем-то отвле-

ченном. Не просто заказать еды из ресторана, а потом затащить её в ванную — по-быстрому, как будто это просто ещё один пункт в списке дел на день. Между ними становилось всё больше расстояния, даже в постели.

Тело больше не принадлежало ей: ноги оккупировал сын, устраиваясь между ними удобно, чтобы смотреть мультфильмы, а дочь постоянно дергала за руки, привлекая внимание. Под постоянными прикосновениями и требованиями чужих рук её тело словно постепенно немело.

Ее даже посещали мысли о разводе. Иногда она ловила себя на этом, когда Олег повышал голос, иногда — когда казался ей чрезмерно ласковым. Он метался между холодностью и чрезмерной заботой, словно не знал, как правильно просить прощения.

Лана прикрыла глаза, делая вдох. Все было слишком сумбурно.

Мысли путались, повторялись, смешивались. Возможно, тому виной алкоголь. Она даже поймала себя на мысли, что по второму кругу ругает мужа в своей голове.

С одной стороны, она любила свою семью, своих родных и не хотела ничего менять. Ведь, как ни крути, многое ее все же устраивало. Пока дети были в садике, она и читала, и гуляла, и вела хозяйство. Когда они засыпали, она все же пыталась смотреть что-то. Жертвовала отдыхом, но зато урывала немного времени на себя. Иногда.

И опять же, в теории, ее родители могли помочь с детьми:

оба уже не работали, жили за городом и располагали временем и возможностью приезжать в гости. Но нет. Отец был поглощен поисками подработок: занимался репетиторством даже сейчас, лишь бы не погружаться в вязкую тишину домашнего быта. Мать агрессивно вела хозяйство, превращая загородный дом в ещё одну школу с жестким расписанием, где Лана снова чувствовала себя школьницей, которая обязана всё делать идеально. Когда-то мать работала директором лицея и временами жалела о потраченных годах, сетовала на то, что так и не примерила на себя роль идеальной женщины. Возможно, поэтому она так настаивала, чтобы хотя бы Лана ею стала.

С другой стороны, хотелось забрать детей и раствориться с ними в сером тумане родного города.

Серебрякова вздохнула.

Несмотря на сложности, она упрямо напоминала себе, что муж ее любит. Не зря же они вместе со школы, чуть ли не с первого класса. Он всегда так грустно смотрел на то, как она гуляла с другими, как бегала на свидание и потом рассказывала ему обо всем. Ведь они были друзьями. Она так считала. А он был влюблен. Правда, пару раз они разбегались, после того как сошлись. То ретроградный Меркурий помешал и надо было подумать о жизни, то критический момент в отношениях. Но ведь до сих пор женаты, у них дети, квартира, машина. Их брак пережил многое, но в последнее время трещины становились всё заметнее.

И все бы ничего, если не считать его попыток перевоспитать ее в последнее время. Эти стереотипы о женщине на кухне и в постели, эта одержимость третьим ребенком. Приходилось, как мантру, повторять, что она тоже его любит. Раньше ведь он не был таким, но после рождения дочери что-то начало в нем меняться. И даже появление на свет сына не исправило ситуацию.

— Еще шампанского?

Лана вздрогнула, не заметив, как на балконе появился еще кто-то. Резко повернула голову, всматриваясь в того, кто потревожил ее покой. Тот самый парень в бордовой рубашке. Их глаза встретились, и девушка невольно сглотнула. Взгляд, по-прежнему липкий и оценивающий, скользнул по ней, заставив Лану едва заметно передернуть плечами.

— Наверное, — осторожно согласилась она, принимая бокал. Отказаться было бы невежливо, тем более они одни на балконе, кто знает, как он поведет себя, если она не выпьет.

— Я — Андрей.

— Лана.

— Красивое имя.

Девушка слегка улыбнулась. Обычно она была не против немного пофлиртовать, ради спортивного интереса. Сама себе говорила, что это для тонуса. Но на самом деле она любила ходить по краю, никогда не зная, где этот флирт оборвется и во что превратится. Но сейчас она чувствовала себя немного неуютно. Впервые за вечер ей стало не по себе настолько,

что захотелось держаться поближе к знакомым лицам.

На балконе появилась Марі.

— О, а я думала принести выпить, но смотрю вы уже...

— Она выразительно посмотрела на подругу. — Она замужем. Но это ничего не значит, — добавила она, обращаясь к парню. Тот деловито кивнул, принимая к сведению информацию.

Лана ощутила прилив раздражения, снова чувствуя себя куклой в руках других. Что родители, что друзья — они любили решать за нее. И это выводило из себя. Словно им нравилось испытывать ее, проверять, как долго она способна терпеть подобное отношение. Иногда раздражение в ней разгоралось медленно, но потом остановиться было уже трудно.

Марі упорхнула, будто специально приходила, чтобы убедиться: Лана точно не одна. Сводничество.

— Она шутит.

— Так ты не замужем?

— Замужем. И это значит, что я замужем, — дважды повторила девушка, пытаясь дать понять, что это не кокетство. Правда, выглядело это менее убедительно, чем звучало: кольца на пальце не было, а она пришла на шумную вечеринку и в час ночи не спешила домой.

Лана сделала глоток.

— Тут меня называют Эндрю... — произнес он, ловко меняя тему. — Ну, ты понимаешь...

Он хотел казаться милым, смущённо улыбался, а Лана все

равно понимала. Их компания, большая, яркая, отличалась от других. Они смеха ради все называли друг друга иначе, на иностранный манер. Это была их дурацкая местная традиция, так сказать — немного по-толстовски. И всем нравилось. Даже ей. Эндрю что-то пытался рассказывать, но Лана почти не слушала его, думая о чем-то своем.

— А ты уже видела друзей Кэт? — внезапно спросил парень. — О которых она рассказывает всем.

Серебрякова чуть нахмурилась, пытаясь понять, о ком речь.

— М-м-м... Кажется, нет.

— Там жена — настоящая королева. У неё волосы почти чёрные, но на свету отливают тёмной вишней! — Эндрю увлекся описаниями, не замечая скепсис во взгляде Ланы.

— Как поэтично, — произнесла она с толикой иронии, но продолжила слушать молодого человека.

— А муж ее такой хмурый, мрачный. Высокий тип, всегда в ослепительно белых сорочках, будто его вот-вот на операцию позовут.

— Хм... Ее, вроде, видела мельком. Его — нет.

— Поговаривают, он бабник.

Лана удивленно посмотрела на собеседника, не зная даже, что на это ответить. Обычно она не позволяла чужим секретам просачиваться в свои мысли — Петербург и без того был переполнен чужими тайнами. Тем более о незнакомых людях. И, к тому же, зачем Андрею говорить об этом? Девушка

даже толком не видела этих ребят, а он уже пытался навязать ей собственные впечатления. Кем бы ни был тот парень, бабник он или нет, это его личное дело. Лана терпеть не могла чужие сплетни — они почти всегда оказывались искажённой версией правды.

К тому же, от девушки не укрылось, с каким придыханием он говорил о жене того парня. Ей было неприятно ловить этот тяжёлый взгляд. Серебрякова даже знать не хотела, что именно Андрей представлял, когда описывал ее.

— Кстати, а почему... — Он осекся, но быстро взял себя в руки. — Почему ты такая юная и уже замужем?

— А ты внезапный, — заметила девушка. — Мне тридцать.

— Ого! Не похоже.

Лана пожала плечами, принимая комплимент. Ей редко давали больше двадцати, да и наличие детей удивлялись постоянно. Хрупкая, высокая, внешне она походила на подростка, а не на взрослую женщину. Паспорт она давно привыкла носить с собой — алкоголь ей продавали далеко не всегда. Не хотелось оставаться в стороне и наблюдать, как другие пьют и расслабляются.

— А муж...

— Дома с детьми.

Эндрю кивнул. То ли для себя что-то понял, то ли попросту решил не продолжать разговор на эту тему, но Лана была ему благодарна хотя бы за это.

— Мне нравятся женщины с детьми.

Серебрякова приложила все усилия, чтобы не вздрогнуть. Фраза прозвучала странно и пугающе. И Лана пожалела, что не сбежала с балкона вслед за подругой.

Какое-то время они сидели молча, потягивая игристое. Она дважды пыталась закончить разговор, но каждый раз что-то её удерживало: то его внезапный вопрос, то монолог. Когда его пальцы сомкнулись на её руке, Лана на мгновение увидела в отражении балконной двери белый блик. Ей показалось, что кто-то наблюдал за ними из комнаты, но уже спустя мгновение силуэт исчез.

— Расскажи мне о Ваське, — попросил он, подразумевая остров через реку. Лана немного растерялась, хотя понимала, что это лишь повод ее удержать. Периодически поглядывая в сторону выхода, она неохотно бросала ему краткие факты о полуострове, надеясь, что разговор о линиях и ветрах быстро ему наскучит. Эндрю либо откровенно скучал и не знал, чем себя занять, либо же намеренно не отпускал ее. К тому же, он был ближе к двери, а она по-прежнему не понимала, чего ожидать от такого странного субъекта. И Лана попыталась хотя бы мысленно успокоить себя. Прятаться от назойливого Андрея смысла не было: раз он пришел за ней на балкон, то и в самой квартире не оставит в покое. Он стоял слишком близко к выходу, и Лане это совсем не нравилось. Но зато не докучал вопросами о детях, о браке, не раздавал непрошенных советов, которыми обычно так щедро делились

окружающие.

Серебрякова посмотрела на ночной город, пытаясь отвлечься. Сейчас бы сесть за руль и прокатиться по полупустым улицам вдоль набережной Невы, вдыхая прохладный воздух и запах реки. А потом остановиться где-нибудь и наблюдать за разводными мостами, попивая кофе навынос. Ей вдруг отчаянно захотелось оказаться где угодно, только не здесь.

Возможно, это отличный повод наконец уйти, предварительно извинившись перед Кэт.

Размышляя об этом, Лана даже не сразу поняла, что произошло. Осознание ударило в один миг: ладонь Андрея хозяйски накрыла её колено, сминая ткань платья.

Внутри все похолодело, и бокал едва не выпал из рук, но парень ловко перехватил хрупкую посуду, отставляя на подоконник. Серебрякова попыталась стряхнуть руку, рефлексивно, резко, но он удержал её слишком легко и слишком уверенно.

— Никто не узнает, — прошептал он ей в лицо, обдав тяжёлым запахом алкоголя.

В квартире громко заиграла музыка, и шум голосов стал ещё сильнее.

— Убери руки! — прошипела девушка, пытаясь отодвинуться. Но, к сожалению, она и так сидела в углу дивана, а теперь и вовсе оказалась зажатой. — Убери... — потребовала было она, но Эндрю неожиданно схватил ее за волосы,

поворачивая лицом к себе. Его рука полезла выше, заставив Лану дернуться от ужаса и отвращения.

— Не кричи, и не будет больно, — хрипло произнес он. Лана попыталась оттолкнуть его. Сдаваться без боя она не собиралась, тем более ему. Андрей даже не попытался зайти издалека, не стал тратить время на какие-то более деликатные касания и попытки поцеловать ее. В его движениях не было ни неловкости, ни сомнений.

Кричать и звать на помощь смысла не было, музыка заглушала почти все звуки. Только Андрей возбужденно хрипел, а она сдавленно вскрикивала, когда он выкручивал ей руки. Но в какой-то момент Лана почти высвободилась, даже сумела вскочить на ноги, собираясь ударить ублоудка коленом по лицу.

К сожалению, силы были неравными. Избавиться от цепких рук Андрея невозможно — он держал намертво. В следующий миг он повалил девушку лицом в диван. Лана возмущенно вскрикнула, но тут же заскулила от боли, когда парень заломил ей обе руки назад, выкручивая их сильнее. Сопротивляться в таком положении было не просто сложно, а даже невозможно. Однако, девушка не сдавалась. Она попыталась скатиться на пол, чтобы использовать ноги для защиты, но Андрей как-то слишком ловко оказался сверху, придавливая ее к дивану.

— Какая строптивая сучка, — прошептал он, — мне такое нравится.

Эндрю задрал ткань платья, игнорируя отчаянное сопротивление.

— Пожалуйста, отпусти меня... — пролепетала девушка невнятно, упираясь щекой в обивку дивана.

— Обязательно отпущу, но потом...

Его грубые пальцы впились ей в бедро, и чуть приподнявшись, он слегка развел ей ноги. Серебрякова почувствовала, как он пытается стянуть с неё бельё.

— Обещаю, тебе понравится. Всем нравится.

Она зарычала от бессилия, чувствуя, как он стягивает с нее нижнее белье. Холодный воздух коснулся кожи, не оставляя сомнений в происходящем. На балконе было темно, но Андрей явно не нуждался в свете. Девушка попыталась вновь вырваться, но он слишком сильно прижал ее к дивану. Его руки продолжали шарить по её телу, и Лану мутило от ужаса.

— Если будешь рыпаться, я позову нашего общего друга. И он быстро заткнет тебе рот.

Лана похолодела от ужаса, слишком ярко представив себе все это. Одна лишь мысль, что где-то там ходит точно такой же ублюдок, который с легкостью поучаствует в подобном, вызывала тошноту.

— Пожалуйста...

Девушка зажмурилась в ожидании самого худшего, что вообще могло с ней произойти.

И что-то все же случилось.

Эндрю удивленно вскрикнул. Болезненно.

И давление на Лану ослабло. Она осторожно открыла глаза, замечая, как этот ублюдок сидел теперь на полу и держался за лицо, а над ним, будто в свете маяка, стоял другой мужчина, сжимая левую руку в кулак.

— Какого... — начал было Андрей. Незнакомец ловко подхватил его правой рукой за ворот, ставя на ноги. И нанес еще один удар. Эндрю отлетел в конец балкона, кашляя. Судя по звукам, он сплюнул кровь.

— Пошел прочь, — очень тихо произнес мужчина.

Повторять не пришлось. Андрей побелел, непонятно что разглядев в глазах противника, и почти споткнувшись, вылетел с балкона. Лана готова была поклясться чем угодно, что сквозь грохот музыки, слышала, как хлопнула дверь. Незнакомец, помедлив, обернулся и опустился на одно колено возле дивана, разглядывая Лану.

— Ты в порядке?

Девушка вздрогнула и сперва отшатнулась, не совсем понимая, что происходит, но уже в следующий миг спрятала лицо в ладонях и разрыдалась, до конца не веря, что спасена, что этот кошмар не стал реальностью. Незнакомец не уходил, она чувствовала на себе его сочувственный взгляд, но была благодарна, что он не пытался дотронуться до нее. Дышать стало чуть легче, и девушка судорожно всхлипнув, смахнула слезы. Она осторожно подняла глаза на своего спасителя, и он предложил ей ладонь. Помедлив, все еще дрожа от стра-

ха, Лана аккуратно сжала ее пальцами, вставая на ноги. Она неловко поправила бельё и снова содрогнулась от омерзения.

— Все хорошо, — очень тихо произнес молодой человек, и его голос прозвучал успокаивающе. — Кстати, я Лекс Романов.

Лекс молча разглядывал её лицо, словно проверяя, не начнется ли у неё истерика.

«Господи, как я сейчас выгляжу? Наверняка как побитая собака. Или хуже. Глупо, нелепо, по-детски...»

Она видела свои руки — они жили отдельной жизнью, мелко дрожали, и Серебрякова никак не могла заставить их замереть.

«Просто. Перестань. Трястись».

С большим трудом выровняв дыхание, девушка постаралась собраться. Мысли все еще путались, но Лана чувствовала, как ее постепенно отпускает, хотя ощущение произошедшего все еще вызывало тошноту.

Единственным желанием было поскорее сбежать отсюда, влететь в душ и стереть прикосновения Андрея, словно смывая с себя городскую грязь.

— Ты в порядке? — повторил свой вопрос Романов, его ладонь легла на её плечо — сухая, уверенная и пугающе спокойная. Удивительно, но это прикосновение не вызвало желания отпрянуть. Наоборот — рядом с ним Лана вдруг почувствовала себя так, будто укрылась от шторма за толстыми стенами старого петербургского дома. В полумраке балкона Лекс казался почти нереальным — слишком спокойным, слишком собранным для человека, только что ввязав-

шегося в драку.

Вряд ли он полезет к ней целоваться после случившегося.

К тому же, Романов не выглядел голодным охотником. Он казался слишком стерильным для этого прокуренного балкона; слишком собранным для этого места; слишком трезвым для пьянящего тумана толпы.

— Кажется, — тихо ответила девушка. Смотреть в глаза спасителю всё равно стыдно: во-первых, он стал свидетелем её беспомощности, а во-вторых, она так легко успокоилась под его взглядом. Несмотря на шок, Лана не хотела, чтобы он счёл её одной из тех дур, что сами лезут в неприятности. И еще больше не хотела, чтобы он решил, будто она сама спровоцировала Андрея. — Я... — Лана стиснула ладони и прижала их к своей груди, не зная, как себя вести и что делать.

Раньше с ней подобного не случалось, даже когда она флиртовала с кем-то ради спортивного интереса. Сейчас Лана вообще не понимала, что чувствует. Несмотря на то, что ей неоднократно делали комплименты, намекали на секс, даже пару раз целовали без спроса, до такого дело не доходило. Хотелось содрать с себя кожу, будто чужую, испорченную. Просто взять и снять этот слой, к которому он прикасался. Лана чувствовала этот липкий след на бедре даже сквозь ткань — он жег, зудел, требовал немедленного вмешательства жёсткой мочалки и кипятка. Будто её вывалили в грязь и оставили так стоять у всех на виду. И ведь она даже не

заигрывала с Андреем! Наоборот, старалась отвечать односложно, холодно, без энтузиазма.

— Спасибо, — едва слышно прошептала она и опустила глаза в пол. — Я... Я не понимаю, как...

— Тише, — тихо и почти ласково произнес Лекс, мягко улыбаясь и убирая руку с ее плеча. — Ты не виновата.

— Но я...

— Нет, не ты. Это он плохой человек. А ты ни при чём. Голос Романова звучал спокойно, почти неестественно спокойно, как шорох листвы в пустом Летнем саду.

— Я уже ничего не понимаю.

Лана закрыла лицо ладонями, едва сдерживая новый поток слёз.

Как она вообще могла допустить такое? Ведь ни повода, ни намёка — ничего не было с её стороны. Она даже не смотрела на Андрея. Пыталась уйти, быть вежливой, недоступной. Или принять бокал шампанского приравнивалось к немому согласию?

«Почему так? Почему он выбрал меня? За то, что я сидела одна, отдыхая от всех? Или потому, что Мари́ сказала, что мой брак ничего не значил?»

Обвинять Мари́ тоже казалось неправильным. Она ведь не могла знать, что новый знакомый окажется мерзким, неадекватным человеком.

— Хочешь уйдем? — неожиданно предложил Лекс. — Я могу отвезти тебя домой.

«Домой? Чтобы Олег снова смотрел на неё этим взглядом "я же говорил"? Чтобы снова чувствовать себя виноватой неизвестно в чём? Нет. Только не это...»

— Нет! — В ужасе отшатнулась Лана, слишком ясно представив взгляд мужа. — Я не хочу домой... Не сейчас, — добавила девушка чуть спокойнее, обнимая себя руками.

Лекс молча снял пиджак. Он пах чем-то сухим и чистым — бумагой, старой кожей и едва уловимым дорогим парфюмом. Тяжёлая ткань укрыла её, отрезая от чужих взглядов.

— Пойдём. Петербургу всё равно, что случилось на этом балконе.

Серебрякова поджала губы, поднимая глаза и смотря прямо на своего спасителя. Хотелось отпрянуть и сбежать, спрятаться от всех мужчин, чтобы никто и никогда больше ее не касался.

Но Лана понимала, что так или иначе ей предстоит вернуться домой, где муж и обнимет, и поцелует, а вздрагивать от его касаний чревато сценой ревности. Решит, что она не желает близости из-за любовника. Возможно, двух. Он вечно ядовито шутил на эту тему, не замечая, что причиняет ей боль.

Однако, несмотря на все это, девушка должна была взять себя в руки.

Она могла бы поехать к подруге, но та наверняка уже крепко спала. Будить кого-то, объясняться, видеть жалость — нет, на это просто не было сил. Отрывать Машу или Ар-

тёма от вечеринки Лана тоже не хотела, поэтому решила выбрать наименьшее зло. Олег умел превратить её жизнь в зал судебных заседаний, где она всегда была в роли обвиняемой. На фоне его тяжёлой, душной ревности Лекс, которого она даже не знала, казался просто чистым листом — холодным, но хотя бы не кусачим. Рядом с ним не хотелось сжиматься в комок. Девушка сама себе не могла объяснить, почему ей хотелось ему верить. Особенно после ситуации с Эндрю. Поэтому она кивнула, не в силах произнести ни слова больше. Её тело все еще была мелкая дрожь, и виной тому отнюдь не прохладный майский воздух. Молодой человек снова протянул руку, и она, помедлив, вложила в неё свою. Его ладонь была прохладной, как чугунное кольцо на причале. Этот якорь не давал ей снова провалиться в пережитый ужас.

Вместе они прошли обратно в квартиру, где музыка гремела, а гости продолжали веселиться, не подозревая о драме, разыгравшейся на балконе, как будто весь ужас остался за стеклянной дверью. Лекс вёл Лану за собой, стараясь держаться в тени, подальше от любопытных взглядов. Марй, заметив их, удивлённо вскинула брови, но Романов качнул головой, давая понять, что сейчас не время для разговоров. Лана лишь украдкой взглянула на этот немой разговор и снова опустила голову, желая стать меньше и незаметнее.

— Все хорошо? — На пути Лекса возник Артём. Будто ждал их у выхода. — Куда ты уводишь нашу фею?

— Это я попросила, Тём, — поспешила ответить Лана,

слабо улыбаясь. — Захотела выйти на свежий воздух, а Романов предложил составить мне компанию.

— Все добровольно?

— Конечно, — Лана заставила себя улыбнуться, незаметно увернувшись от прикосновения друга. — Я потом напишу вам.

Артём нахмурился, но отступил, пропуская в прихожую.

Они вышли на ночную улицу. Майский Петербург встретил их влажной прохладой и приглушенным гулом большого города, который, невзирая на поздний час, ещё не собирался засыпать, будто Петербург только начинал жить по-настоящему. Фонари бросали на мокрый асфальт длинные дрожащие тени. Запахи мокрой листвы и бензина внезапно перебила густая, почти приторная сладость выпечки. Это ощущение уюта казалось сейчас Лане самым неуместным и фальшивым в мире.

Романов повёл ее в сторону Невы. Они шли молча, слушая только, как обувь липнет к мокрому асфальту. Девушка чувствовала себя странно отстраненной, будто она наблюдала за собой со стороны.

Рядом шёл незнакомый мужчина, внезапно ставший её спасителем. Его молчаливое присутствие успокаивало, хотя она едва знала его имя.

Парадоксально, что Андрея она тоже встретила на этой вечеринке впервые, но впечатления сильно разнились. В Лексе не было ничего от той липкой, животной настойчиво-

сти Андрея. Хотя, возможно, хорошо скрывал свою темную сторону.

Лана бросила короткий взгляд на него, но парень по-прежнему не выглядел тем, кто пытается загнать её в угол. Он не пригласил ее в машину, не прикасался к ней, даже разговаривать не спешил. Казалось, он и сам был не прочь сбежать из этого вертепа под любым предлогом.

— Всё равно не понимаю, — очень тихо повторила она, обращаясь к пустой улице. Они как раз свернули за угол и оказались в безлюдном, плохо освещенном месте, где фонари тонули в сыром полумраке.

— Мельком слышал, — неожиданно отозвался Лекс, — как кто-то из ребят обсуждал одно место. Очень сомнительное, надо признать, — он сделал паузу и спрятал руки в карманы брюк. — Что-то вроде закрытых встреч. Без имен. Без последствий. С вполне понятным финалом.

— Секс без обязательств?

— Да.

— Но при чём тут вечеринка Кэт?

Романов сперва пожал плечами, словно не спеша с ответом. Но Лана чувствовала, что он хотел что-то сказать.

— Некоторые приходят на такие вечеринки не за общением, — наконец подал голос мужчина.

Девушка сперва не поняла, что он имел в виду, и хотела было уточнить, но остановилась. Она невольно начала сопоставлять детали. Приглушенный свет, люди, исчезающие

по комнатам, странные взгляды, слишком тесные разговоры — теперь всё это казалось ей подозрительным. На первый взгляд — все чинно и прилично, но если присмотреться, то, возможно предположения Лекса верны.

— Думаешь, он решил, что это такая вечеринка?

— Могу лишь догадываться, — пожал плечами молодой человек. — Чужая голова — тот еще омут с чертями. Вряд ли он преследовал благородные цели.

Лана задумалась. Разговор немного сбил волну напряжения. Правда, она толком не понимала — почему. То ли ей стало чуть легче от мысли, что Андрей хватал не именно её — а любую женщину, оказавшуюся рядом, то ли ужаснее от понимания, что такие люди вообще существуют. Ей по-прежнему хотелось отмыться от случившегося, скоблить кожу до крови, пока не останется напоминаний о мерзких прикосновениях, словно она пыталась стереть не только чужую грязь, но и саму память о ней.

Какое-то время они шли молча.

— А как ты оказался на балконе?

— Я заметил, что этот субъект кружит возле девушек и всё пытается кого-то увести, — Романов неопределённо покачал головой. — Потом меня отвлекла Марй, и я потерял его из виду.

Судьба? Лана тихонько усмехнулась своим мыслям. Она любила искать ответы в гороскопах, охотно верила в звёзды, выискивая скрытый смысл везде. Даже в плакатах и вывес-

ках находила нечто сакральное. Совпадения и всякого рода случайности были её страстью — единственным проблеском волшебства в мире, полном рутины.

— А потом решил поискать его?

— Нет, я сперва подумал, что он ушел, — отозвался Лекс, снова сворачивая за угол. — Потом Мари́ спросила, видел ли я тебя после балкона.

— И ты пошел проверять?

— Решил покурить, заодно проверить, где он.

— Хорошо, что нашёл меня.

— Да, — после короткой паузы кивнул Романов, останавливаясь и осматривая противоположную сторону улицы.

В ночное время работало не так много кафе, где можно было посидеть, не привлекая внимания. Обычно всюду играла громкая музыка, молодёжь веселилась и пила бодрящие напитки. Небольшое заведение ещё работало на вынос — редкая удача для такого часа.

— Предлагаю взять что-нибудь горячее и посидеть немного в парке, — Лекс обернулся к ней. Лана кивнула. В тумане её растерянности он внезапно стал маяком. — Что будешь?

— Раф, — отозвалась Лана, подходя ближе. — С ореховым сиропом.

— Один раф с ореховым сиропом, — послушно повторил молодой человек, обращаясь к баристе, — и один айриш. И оба погорячее.

— Сейчас всё будет, оплатить можно здесь.

Романов приложил карту к терминалу коротким, привычным жестом, даже не взглянув на сумму. Это было просто — он решал за неё, и Лане это неожиданно, но пугающе понравилось. Он отступил, привалившись плечом к стене.

— Раф погорячее? — переспросила Лана. Бариста даже бровью не повел, сразу принимаясь готовить заказ.

— Ты ни разу не пила горячий раф? — Уголки губ Лекса слегка дрогнули, но улыбка так и не появилась.

— Ни разу, — Лана ощутила жар на щеках. — Его всегда делают теплым, и приходится пить быстро, пока совсем не остыл.

— Смени кофейню.

Серебрякова прикусила губу, чувствуя себя круглой душой. Казалось, этот вечер нарочно подкидывает ей одну неловкость за другой.

— А разве тебе не надо быть... там? — Решив сменить тему, Лана неожиданно поняла, что, возможно, этот человек пришёл не один и был вынужден сбежать с вечера из-за неё. Он качнул головой чуть быстрее, чем следовало бы.

— Не переживай.

Через несколько минут они уже шли к парку с обжигающими стаканчиками в руках. В парке было тихо и темно. Свет далёкого фонаря почти не доходил до скамейки, оставляя их вдвоём в мягком полумраке.

— Я редко хожу на такие вечеринки, — Лана осторожно сделала глоток и поморщилась: раф оказался обжигающим,

почти кипятком. И взглянула на спутника: он пил слишком горячий кофе так невозмутимо, что Лане стало не по себе. От стаканчика всё ещё поднимался пар, а Лекс будто вовсе не замечал температуры. — Времени нет. Моя жизнь теперь как карта Петербурга: всё по линиям и без места для спонтанности. — Лана впервые коротко рассмеялась, сама удивляясь собственному пафосу. Рядом с ним хотелось говорить красивее, чем обычно.

— Я тоже не поклонник подобного, — признался Романов, его голос был низким и спокойным. — Это больше история моей жены. Она любит людей, шум, компании. Я — не очень.

— Ты женат? — глупо уточнила девушка, хотя это и так было понятно. Лекс спокойно кивнул, делая еще один глоток.

Только сейчас она рассмотрела тонкое обручальное кольцо на пальце спутника. И почему-то смутилась сильнее, чем стоило бы. Следом пришло и осознание: он и его жена — это те самые друзья Кэт, о которых говорил Эндрю. Теперь его слова звучали скорее как чужая зависть, чем как предупреждение.

— Да, но мы в свободном плавании.

— В смысле? — Её любопытство разгорелось с новой силой.

— Не самая простая тема.

Лана закусил губу. Настаивать на ответах она не имела

права, ведь он помог ей, был добр и заботлив. Раздражать вопросами и портить человеку настроение девушка не собиралась. Вдруг, тема была не самой приятной. "Свободное плавание" могло оказаться чем угодно – от открытых отношений до простого отчуждения. Любопытство зудело где-то внутри, но Лана заставила себя не лезть дальше. Возможно, ей на самом деле и не хотелось ничего знать. Её собственные проблемы казались уже достаточно запутанными, чтобы добавлять к ним чужие.

— Наверное, я теперь долго не смогу ходить на такие вечера... — вздохнула девушка, хотя вроде и успокоилась немного. Но осадок остался. Но ощущение грязи никуда не делось.

— Не давай ему остаться у тебя в голове, — тихо произнес Лекс.

— Легко сказать... — вздохнула Лана.

— Такие люди часто ищут повод, а не человека, — молодой человек сделал очередной глоток и перевёл взгляд на памятник какому-то забытому деятелю, чья каменная фигура безмолвно взидала на них. — Думаю, он из тех, кто перестает видеть разницу между флиртом и дозволением.

С одной стороны, это звучало логично и действительно немного успокаивало. С другой: внутри нарастало возмущение и хотелось добиться справедливости. Как так? Какой-то идиот посмел так отвратительно поступить с ней! И неизвестно, скольких ещё он вот так загонял в угол.

— Многие и вовсе не считают случайный секс сексом. —

Романов говорил спокойно, слишком спокойно для темы, от которой у Ланы до сих пор дрожали руки. — Некоторые признают секс только там, где есть чувства и правильная обстановка. Под одеялом и, обязательно, с выключенным светом.

Лана невольно прыснула от смеха. Она слышала о таких консерваторах, которые ужасались любому упоминанию интима, словно викторианские дамы, падающие в обморок от слова «лодыжка» или «желание».

Жар залил шею и щёки, и Лана была благодарна питерским сумеркам за то, что они поглотили эту вспышку стыда.

Конечно, по сути, в случайном сексе не было ничего дурного. На секунду Лане даже стало неловко от собственного смущения рядом с его спокойствием. Тело ещё помнило неприятные касания, мозг мгновенно включил тревогу, и девушка раздраженно повела плечами. Конечно, случайный секс мог нравиться людям, но ей казалось это чем-то непонятным, как попытка объяснить теорию относительности вороне. Она не изменяла мужу. Как бы то ни было, она все еще уважала их брак, и любила человека, с которым жила. Несмотря на то, что сейчас они были другими людьми. И их отношения изменились.

Раньше они хотя бы могли вместе понежиться под одеялом, смотря фильм или обсуждая что-то. Но сейчас и Лана к вечеру превращалась в выжатую тень, и Олег приходил с работы уставший, и его раздражение от сюжета раздувалось, заполняя собой всю комнату. Их совместное время будто рас-

творилось само собой.

Поэтому Лана предпочитала теперь смотреть в одиночестве, пускай и по половине серии, но зато без нервов и едких комментариев.

Но измена... нет, это было за гранью. Это не та ошибка, которую можно просто вычеркнуть и пойти дальше. Ради небольшого удовольствия жертвовать своим спокойствием? Ведь в её мире не было лазеек. Для неё не существовало «один раз не считается».

Но у неё была подруга, которая с радостью бросалась в любые объятия. Даже в те, о которых потом лучше было не рассказывать. Лана этого не понимала и не испытывала ни малейшего желания примерять на себя чужой хаос. Возможно, подруга и придумывала какие-то моменты в своих историях, а может, и правда жила насыщенной и яркой жизнью. Может, та действительно жила ярче — шумно, хаотично и без оглядки на последствия.

Лекс не перебивал. Просто слушал — внимательно и слишком спокойно.

— Чем больше ты это пережёвываешь, тем глубже оно в тебе застревает, — заметил молодой человек спокойно.

Девушка осторожно разглядывала своего спутника. В нём подкупала не столько внешность, сколько интеллект — тот редкий случай, когда форма и содержание не спорили друг с другом. В обществе глупцов Лана всегда ощущала почти физическую духоту. Даже этот короткий разговор постепен-

но возвращал ей ощущение почвы под ногами. С ним было спокойно — той странной, пугающей тишиной, которая бывает только в пустых залах музея.

— Я читала, что воспоминания никуда не деваются. Их можно заблокировать как-то...

— Скорее, вытеснить, — Романов отпил ещё немного. От айриш-кофе тянуло виски и чем-то терпко-древесным. Лана вдохнула, чуть улыбаясь и ловя запах. — Если не акцентировать внимание на чём-то очень долго, то это забывается.

— Буду думать о хорошем, — Лана зябко повела плечами. Ночи редко бывали тёплыми. Даже майские. Холод медленно просачивался под одежду.

— Пройдемся немного? — неожиданно предложил молодой человек, и она в очередной раз поразилась, насколько он чуток. Возможно, она просто выдавала желаемое за действительное, а он просто искал повод не сидеть на месте, но Лана предпочла верить в его проницательность. Наверняка и сам почувствовал холод. Но возражать Серебрякова не стала.

Они шли рядом молча какое-то время, на расстоянии друг от друга. И девушка была ему благодарна за это. Может, это и звучало самовлюблённо, но мужчины редко умели держать дистанцию. А Лекс одну руку спрятал в карман брюк, а второй держал кофе. Его неторопливость и отсутствие напора казались в этом городе аномалией, безопасным пространством, где ей наконец ничего не угрожало.

Лана с удивлением поймала себя на мысли, что ей не хо-

чется бежать. Впервые за вечер её интуиция не кричала об опасности, а мирно дремала, убаюканная его спокойствием. Кто-то мог бы осудить её за то, что после случившегося она так бездумно последовала за незнакомцем. Но интуиция редко подводила ее.

— А кем ты работаешь? — Чтобы отвлечься от собственных мыслей, вдруг спросила Лана. Она понятия не имела, какая профессия подошла бы ему больше всего. вряд ли физическая, хотя в его движениях чувствовалась скрытая, уверенная сила.

— Преподаю литературу в университете.

— Ух ты! Здорово! — восхитилась Лана, которая обожала читать и мечтала об отпуске от семьи: она одна в компании книг, книг, которые она будет поглощать с жадностью человека, наконец-то выбравшегося на поверхность из душного подземелья. Возможно, стоило попытаться поговорить с матерью и уговорить ее взять детей к себе на пару недель. Но та всегда твердила, что мать должна быть рядом со своими чадами. С шести утра и до позднего вечера — бесконечная круговерть дел с короткими перерывами на еду, которую она часто даже не замечала на вкус.

Годы работы учителем, а затем и директором превратили мать в ещё большего тирана, одержимую призраками старой школы и железной дисциплиной.

Иногда Лана всё же завидовала немного женщинам, которые легко отдавали своих малышей родителям и совершенно

не беспокоились ни о чём. Занимались собой, путешествовали, развлекались, а бабушки и дедушки воспитывали внуков, окружали их заботой и любовью. Но зная методы своих родителей, Лана не хотела подвергать детей их воспитанию.

— А ты?

— Я... Сажу дома с детьми, — вздохнула Лана, надеясь, что в её голосе не проскользнули нотки окончательной капитуляции. — Подумываю найти что-то удалённо, но пока нет возможности. Слишком шумно.

— Понимаю, — кивнул Лекс и впервые за всё время осторожно коснулся её локтя, придерживая на переходе. Девушка невольно вздрогнула: то ли от самого прикосновения, то ли от холода, исходящего от руки молодого человека.

Они оказались на набережной, и Романов остановился у ограды. Перед ними открывался вид на тёмную гладь Невы, в которой отражались огни мостов и редких проплывающих судов. Дворцовый мост впереди перерезал горизонт, тяжёлый и равнодушный, как захлопнутая страница истории.

— Люблю гулять вдоль берега, смотреть на реку. Она такая чёрная... иногда кажется, что в ней можно исчезнуть без следа, — негромко произнесла Лана, вздыхая. Нечасто ей удавалось порадовать себя такими вылазками по ночному городу.

Они снова замолчали, слушая плеск волн о гранитные парапеты и редкие звуки проезжающих машин. Лана поежилась от холода, и плотнее закуталась в пиджак Лекса, ощу-

щая себя в безопасности.

— Ох, хорошо, — тихо выдохнула она, чувствуя, как постепенно согревается.

— Ты в порядке? — снова спросил Романов, поворачиваясь к ней. В свете уличного фонаря она смогла лучше рассмотреть его лицо. Спокойные, глубоко посаженные глаза, прямой нос, резкая линия челюсти и эта ямочка на подбородке, которая в свете фонаря казалась случайным изъяном на идеальной статуе. В его взгляде не было ни любопытства, ни осуждения, лишь искреннее участие — того самого внимания, которого ей давно не хватало дома.

Она покачала головой.

— Нет. Не думаю.

— Хочешь рассказать?

Она посмотрела на него, на незнакомого человека, который час назад спас её от ужасного. Почему-то ей захотелось рассказать ему всё. Возможно, потому что Лекс был посторонним, не связанным с её обычной жизнью, с её проблемами и разочарованиями. С ним не приходилось подбирать слова, будто он заранее понимал, где болит. Олег бы начал задавать вопросы. Мать — искать, где именно она повела себя неправильно. Они потом до самой смерти будут припоминать ей этот вечер, перекрикивая друг друга: «Мы же предупреждали!»

И Лана начала говорить, запинаясь и сбиваясь, рассказывая о липком внимании Андрея, о нарастающем страхе на

балконе, о его грубых прикосновениях. Её голос дрожал, и Лекс молча слушал, не перебивая, лишь иногда ободряюще чуть улыбался, словно боясь неловким движением расплескать то небольшое, что ещё удерживало её от истерики.

После слов в ночном воздухе осталась лишь звенящая пустота, которую Романов не спешил заполнять лишними фразами. Он вздохнул и отвернулся к реке.

— Прости, что тебе пришлось это пережить, — сказал он наконец, его голос звучал глухо. Будто на мгновение он взял на себя чужую вину.

Лана пожала плечами, чувствуя, как слезы снова подступают к глазам. Ей было стыдно, страшно, и одновременно она испытывала благодарность к этому человеку.

— Он... он сказал, что никто не узнает, — прошептала она, вспоминая слова Андрея.

Лекс резко повернулся к ней. В его глазах на мгновение вспыхнула ярость — слишком быстрая, слишком ледяная для случайного свидетеля.

— Он ошибся.

Сердце Ланы дрогнуло от этой резкой перемены настроения и тона парня. Он выглядел человеком, который не прощает подобного. Не просто заступился за неё там, но и продолжал переживать здесь.

Романов тут же взял себя в руки, и его взгляд снова стал мягким, гася вспышку гнева.

— Ты хочешь заявить в полицию?

Девушка вздрогнула. Мысль об этом казалась пугающей и нереальной. Одно дело довериться случайному спасителю, и совсем другое — давать официальные показания.

— Я... я не знаю.

— Это твоё право. Но знай, я готов поддержать тебя, если ты решишься.

В голосе Лекса появилась неожиданная твёрдость. Лана посмотрела на него с благодарностью. Сердце предательски пропустило удар.

— Спасибо, — прошептала она.

Они снова пошли, на этот раз в сторону Летнего сада.

Ночной Петербург окутывал их своим величием, словно старый свидетель, привыкший хранить чужие тайны. Мимо проплывали освещённые катера, с которых доносились обрывки музыки, теряющиеся под низким, тяжёлым куполом неба. В аллеях сада густо пахло сиренью — её аромат казался почти осязаемым в неподвижном ночном воздухе.

— Ты сказала, его зовут Андрей? — спросил Лекс спустя некоторое время.

— Да. Андрей, — ответила девушка и, помедлив, добавила: — Эндрю.

— Ты знаешь его?

Лана покачала головой.

— Видела его сегодня впервые.

Романов нахмурился.

— Странно. Он вёл себя так... уверенно.

В его голосе появилась настороженность, словно он пытался сопоставить разрозненные детали. Лана почувствовала беспокойство.

Неужели это было не случайное приставание?

Они дошли до ограды Летнего сада и остановились. За чугунной решеткой виднелись темные силуэты статуй и спящих деревьев.

— Люблю гулять ночью.

— Я тоже люблю, — Лекс немного помолчал, допивая, вероятно, уже совсем остывший кофе. И охотно меняя тему на более приятную. — По утрам люблю бегать, а вечером — гулять. Обычно слушаю книги в процессе.

— О, аудиокниги... — снова вздохнула девушка. — Иногда балую себя ими тоже.

— Без книг у меня начинается интеллектуальное похмелье, — пошутил молодой человек, и впервые за вечер ей захотелось улыбнуться искренне. Ей нравилось, как легко он переключал её мысли. Люди слишком часто что-то изображали. Романов — нет. Или ей просто хотелось в это верить.

— Ох, время... — пробормотала Лана, внезапно вспоминая о существовании мобильного, у которого она отключила звук. На экране холодным светом горели семь пропущенных — немые свидетели надвигающейся бури. Очевидно, муж не спал, ожидая ее возвращения.

Девушка прикусила губу, подозревая, как сильно он злился. Наверное, сидел сейчас на кухне, выжигая тишину сво-

им недовольством, вместо того чтобы спать и набираться сил перед работой.

— Я провожу, — произнес Лекс тем спокойным тоном человека, который уже всё решил.

Он извлёк из кармана телефон, открыл приложение. Быстро вбил адрес, даже не переспрашивая район. Будто уже ориентировался в этой части города лучше, чем следовало бы случайному знакомому. Такси нашлось почти сразу, а на экране отобразилось время в пути: сорок минут. Как только машина подъехала, Романов всё так же деловито и молча распахнул дверь перед девушкой и сел с другой стороны.

— Не стоит тратить время, — попыталась возразить Лана.

— И отпустить тебя одну в ночь? — уточнил парень, скептически вздернув бровь. — На сегодня приключений достаточно.

Возразить на это было нечего. Хотя её внутренняя тяга к жизни все ещё требовала воздуха, движения и остроты чувств, Лекс был прав: на сегодня хватит.

— Спасибо за разговор и прогулку, — прошептала Лана, смущенно глядя на него. Она случайно коснулась плечом его плеча и затаила дыхание. Но молодой человек, казалось, даже не обратил на это внимания, а она потихоньку расслабилась, осознав, что обнимать ее он не собирается.

— Я рад, что это помогло тебе, — так же негромко ответил Романов, неожиданно раскрывая ладонь, которая лежала на сиденье между ними. Девушка помедлила лишь секунду,

прежде чем положить ладонь поверх его руки — будто искала в этом прикосновении подтверждение, что кошмар действительно закончился. Их пальцы переплелись осторожно, будто оба проверяли границы дозволенного, и Лана доверчиво прикрыла глаза, позволяя себе немного расслабиться.

На самом деле она никогда не позволяла себе подобного и первым встречным никогда не доверяла: этот мир прогнил давно, и слепо идти навстречу неизвестности было глупо и небезопасно. Хотя именно это она и сделала час назад — и теперь уже не понимала, где именно перестала быть осторожной.

Но Лекс казался ей первым холодным лучом рассвета, в котором наконец-то стали видны очертания берегов. Даже это невинное прикосновение рук и тел не вызывало привычного желания сжаться в комок и исчезнуть. Наоборот, рядом с ним впервые за вечер не хотелось защищаться. Она почти ничего о нём не знала. Да что там? Она ничего о нём не знала. И именно это пугало сильнее всего.

Когда машина остановилась возле парадной, Лана ещё несколько секунд сидела с закрытыми глазами. Ей хотелось запомнить этот миг, запечатлеть в памяти, как редкий экспонат из закрытых залов Эрмитажа. Ведь не факт, что они ещё когда-нибудь встретятся. Она иногда с лучшей подругой месяцами не виделась, что говорить о малознакомом парне?

— Спасибо за всё, — ещё раз прошептала Лана, совершенно забыв, что кроме них в машине был ещё водитель.

Лекс медленно поднял на неё взгляд — тёмный, с холодным синеватым отблеском, и поднес её руку к своим губам, оставляя почти воздушный поцелуй на коже. В одно мгновение девушку окатило волной смущения, а еще через секунду она ощутила панику.

Спаситель казался ей слишком идеальным, слишком хорошим.

Таких не бывало.

Слабо улыбнувшись, она почти поспешно стянула с плеч его пиджак, и выскочила на холодный тротуар.

И как только такси отъехало и скрылось за поворотом, Лана внезапно поняла: они даже не обменялись номерами телефонов.

Дневной Петербург бурлил жизнью, совершенно не похожий на тот таинственный силуэт, что провожал Лану в ночь после встречи с Лексом. Солнечные зайчики дробились в лужах на свежeweымытых тротуарах Невского. Они отражались в витринах магазинов, зазывающих прохожих блеском новинок. Воздух звенел от гудков машин, обрывков разговоров на разных языках и мелодий уличных музыкантов, пытающихся покорить сердца спешащих горожан и туристов. Город словно просыпался, сбрасывая ночную дымку, и демонстрировал свою избыточную энергию, слепящую и шумную, как медь оркестра на площади.

Лана шла по тротуару, погруженная в свои мысли. Лишь изредка ловила свое отражение в витринах: в белоснежном приталенном платье до колен, с единственным ярким пятном — красной сумочкой. Волосы она решила не собирать, давая им свободу.

Уже больше двух недель образ Лекса настойчиво преследовал ее, словно фантомное ощущение, от которого невозможно избавиться. Его внезапное появление, спокойствие в критической ситуации, откровенный разговор и та тревожная и неожиданная близость во время ночной прогулки – все это слилось в неразгаданную загадку. Ей хотелось понять, что скрывается за его сдержанной манерой, почему он по-

мог ей, почему провёл с ней столько времени, делясь с ней обрывками мыслей и случайными историями. Было ли это началом чего-то важного — или всего лишь одной странной ночью, которой она придала слишком большое значение?

Но в последнее — в простую случайность — Лана не верила, считая, что у всего есть своя причина. Любая случайность казалась ей частью масштабного замысла, как строгая геометрия Исаакиевской площади.

Детская площадка во дворе ее дома встретила привычным гамом. Крики, смех, стук лопаток о песок — обычный аккомпанемент материнских будней. Лана рассеянно проследила взглядом за дочкой, скользящей с горки, и сыном, увлеченно копающимся в песочнице. Она машинально улыбалась их радости, но мысли ее были далеко, в лабиринтах собственных вопросов о Лексе, будто течение её мыслей уже несло совсем в другую сторону.

Подойдя ближе, девушка кивнула свекрови, специально взявшей выходной, чтобы посидеть с детьми и дать Лане немного воздуха.

— Спасибо, Ольга Владимировна.

— Ой, что ты. Мне всегда в радость.

Лана мягко улыбнулась ей, присаживаясь на скамейку рядом.

— Все хорошо у вас? Не сильно капризничали?

— Нет, детка, они чудесные малыши, — свекровь с любовью наблюдала за внуками, но при этом не носилась за ни-

ми, как наседка. Как и Лана, она придерживалась мнения, что с детей не нужно сдувать пылинки и дрожать над ними, как над хрустальными вазами. — Слушай, доча, может, ты ещё погуляешь? Я всё равно освободила день, — предложила Ольга Владимировна, пожав плечами. Лана поймала себя на том, что предложение свекрови вызвало облегчение сильнее, чем должно было.

— Спасибо, — отозвалась девушка, тепло сжимая руку свекрови.

— Только посиди с ними немного, я сбегаю домой, — заговорщицки шепнула женщина, на что Лана лишь кивнула и поправила платье, приветливо улыбаясь другим мамашам. Те, обрадованные новым слушателем, заговорили громче и уже почти напрямую рассказывали что-то девушке.

Если свекровь и правда планировала остаток дня посвятить детям, то это значило, что Лана могла посвятить время себе: погулять по городу, зайти в книжный, выпить вкусный кофе, а может, и перехватить какую-нибудь подругу. Возможность, выпадавшая ей до смешного редко.

— ...и я сказала, что это невозможно, понимаешь?

Девушка моргнула и осознала, что соседка уже несколько минут что-то возмущенно рассказывала. Лана незамедлительно закивала. Она терпеть не могла эти пустые разговоры ни о чём. Мамаши обожают сплетничать, особенно про тех, кто никогда с ними не сидел здесь. А Лане было неинтересно. Она не сомневалась: выйди она из круга, и обсуждать

начнут уже её.

— Ты сегодня какая-то отрешенная, — заметила подсевшая соседка, легонько пихнув Лану локтем в бок. Девушка криво улыбнулась. Эти женщины были последними людьми, которым она хотела бы что-то рассказывать.

— Не выпалась.

— О, бурная ночь. Понимаю, — соседка заговорщицки подмигнула, и в этом жесте было столько липкой двусмысленности, что Лану передернуло. Она даже не стала ничего отвечать на это. Подобные шутки теперь вызывали у нее только усталость. Сейчас Олег уже почти отошел, даже целовал ее на прощание, но осадок все равно остался у обоих. Иногда он вел себя не как взрослый человек, а как маленький, капризный ребенок. Олег привык быть в семье главным, всегда получать желаемое.

И привык к Лане — тихой, удобной, предсказуемой. К женщине, которая годами занималась домом, детьми и лишь изредка выбиралась на встречи с подругами.

К женщине, которая никогда не возвращалась домой под утро.

Дочь подбежала и принесла ведёрко с песком, объясняя, что это волшебная каша, которая лечит плохое настроение. Лана сделала вид, что съела немного и улыбнулась.

— Ура! Работает!

Девочка ускакала, полная решимости накормить каждого. Дети соседки выглядели погрустневшими, и девушка надея-

лась, что им перепадет большая порция.

Зазвонил телефон, и Лана отошла в другой конец площадки, чтобы мамыши не подслушивали.

— Ланочка, привет! — воскликнула Мари́, её голос весело зазвенел в трубке.

— Привет, Маш.

На другом конце подруга недовольно фыркнула.

— Как ты? Помнишь про встречу нашу?

Лана тихо охнула: встреча просто вылетела у неё из памяти. Та, на которую всегда радостно бежала, чтобы несколько часов прожить как отдельный человек, а не приложение к чужим потребностям.

Раз в месяц подруги собирались в небольшом, атмосферном кафе, где болтали обо всем на свете: о личном, о неприличном, больше о книгах, меньше о семьях. Среди девочек были и университетские подруги, и те, с кем Лана познакомилась в интернете. В компанию затесалась даже одна соседка, обожавшая не только читать, но и активно обсуждать все детали книг. Иногда настроение у дам было игривым. Когда разговоры скатывались к «горячим мужчинам», Лане становилось скучно: экранные герои не выдерживали сравнения с тем холодным, пронзительным взглядом, который она встретила две недели назад.

— Ой...

— Никаких «ой»! Жду тебя в 16:00 на нашем месте.

Разговор — в одни ворота. Мари́ мало волновало, что у

других могли быть дела, а Лана планировала посвятить день себе. Пусть даже решение появилось спонтанно.

Девушка разочарованно выдохнула, разглядывая погасший экран телефона. В конце концов, вечер с девочками всё равно лучше, чем бесконечно крутиться вокруг домашних дел.

— Я вернулась! — Свекровь подошла сзади, неся в руках пластмассовый бокс с едой. — Решила прихватить бутерброды, если эти маленькие разбойники проголодаются.

Эта простая забота каждый раз трогала Лану. Девушка снова ей улыбнулась, с любовью разглядывая женщину, которая никуда не спешила и радовалась внукам. Её собственная мать не признавала никаких перекусов и затащила бы детей домой, чтобы они поели, сидя за столом. Никаких поблажек, всё должно быть правильно и по расписанию.

Лана давно привыкла искать для матери оправдания. Разве что принимать такой, какой она была. Но чаще это давалось с трудом.

— Я совсем забыла о встрече с подругами, — виновато произнесла девушка, словно опасаясь, что женщина начнет ругать её. Но Ольга Владимировна лишь ласково посмотрела на неё.

— Иди, отдыхай. Тебе это нужно, — она устроилась на скамейке и положила бокс рядом. — Олежа потом отвезет меня домой, так что задержусь тут у вас допоздна.

Лана тихо вздохнула, благодарно улыбаясь, и поднялась

на ноги. Пока дети были заняты своими делами, она незаметно побежала домой. Времени хватало на всё: и на то, чтобы наконец привести себя в порядок, и на смену наряда, и даже на пять минут блаженной, почти пугающей тишины.

— Как же хорошо... — вслух прошептала Лана, вставая под горячую воду.

Обычно душ превращался в короткую перебежку между детскими криками, просьбами и бесконечными делами. Даже когда они были в садике, она не умела замедляться. Всё делала рывками, быстро-быстро, на бегу — словно они могли распахнуть дверь в любую секунду.

С большой неохотой выйдя из ванной, девушка замерла посреди спальни, глядя в сторону окна. Небо пока держалось, но майский Петербург редко предупреждал заранее. Дождь мог обрушиться на город внезапно, смывая дневной шум и накопившуюся усталость, очищая улицы от мусора и грязи, словно суровый дворник, наводящий порядок.

Где-то завибрировал мобильный телефон. Поискав его глазами и найдя, Лана лениво ответила:

— Да?

— Привет, Светлячок. — Голос мужа звучал достаточно бодро для человека, который вечно уставал на работе. — Как там дела?

— Хорошо. Твоя мама — мой спаситель.

— Да, она мне позвонила, рассказала обо всем. — Он немного помолчал, шурша какими-то бумагами. — Я вече-

ром отвезу маму домой и, наверное, останусь с детьми у неё до понедельника. Рядом с домом парк с каруселями, они обожают его.

— Но завтра же пятница.

— Здесь справятся и без меня.

Лана сощурилась на своё отражение в овальном зеркале, пытаясь разглядеть в словах мужа скрытый подвох.

— Здорово.

— Да, а ты отдохнёшь от всех, — Олег зевнул. — Прости. Навалилось дел. Тоже отдохну. Посплю, пока мама будет с ними возиться.

— А я сегодня с Машей и девочками встречаюсь.

— Да, я помню. Ваш ежемесячный слёт ведьм.

Лана тихо фыркнула, не сдержав улыбки. То, что Олег помнил про этот день, а она нет, позабавило девушку. Судя по голосу, Олег был в хорошем настроении и, кажется, окончательно перестал дуться из-за той ночи.

— Только постарайся не сильно задерживаться, — уже строго добавил муж. — А то знаю я ваши посиделки.

— Не ворчи, — примирительно протянула Лана. — Спасибо.

— Я тебе потом ещё напишу.

Такая внезапная щедрость настораживала, обычно он был не рад её прогулкам и встречам с подругами. Считал эти встречи пустой тратой времени. Сегодня же и вовсе даровал аж три лишних дня отдыха. Почти четыре, если брать сего-

дняшний.

То ли на него повлиял приезд матери, то ли он сам внезапно решил побыть заботливым. Впрочем, это и неважно. В конце концов, теперь у неё была возможность полноценно расслабиться: наконец-то посмотреть на мир своими, а не материнскими глазами: без оглядки на режим, капризы и вечное «надо».

Думать о плохом Лана не любила, поэтому сразу же отбросила тревожные мысли и поспешила собираться. Она всегда испытывала почти запретный, жадный восторг, когда дом наконец затихал, принадлежал только ей. Вкус свободы пьянил сильнее любого коктейля.

Времени ещё было предостаточно, поэтому, одевшись, Лана поставила чайник и устроилась у кухонного окна, чтобы накраситься перед выходом. Выглядеть красиво она любила, как и все, поэтому небольшой ритуал проводила с особым удовольствием. Когда-то она даже подумывала стать визажистом, час за часом просматривая уроки по макияжу и восторгаясь чужими умениями. Но на это нужны были время, деньги и постоянная практика. Поэтому пока что Лана училась на самой себе. Макияж давно стал для неё способом не только подчеркнуть красоту, но и спрятать усталость.

Наконец закипел чайник. Лана налила кипяток в кружку и вернулась к окну, вдыхая аромат кофе. Каждый раз, наливая себе любимый напиток или покупая его на улице, девушка

возвращалась мыслями к той самой ночи. И никак не могла успокоиться.

О новом знакомом она ничего не знала, а спрашивать — стеснялась. Лана подозревала, что, возможно, не только Кэт его знала. Машу впутывать не хотелось, тем более, неизвестно, как бы подруга отреагировала на подобное. Да и проболтаться Олегу могла. Они ведь дружили семьями. Пара лишних бокалов — и Мари́ начнет подкалывать, шутить, и выложит все. К тому же, одно дело — познакомиться случайно среди шума и людей, а другое дело — задавать вопросы потом. Ей совсем не хотелось становиться темой для чужих шуточек и пересудов.

Телефон отозвался резким, почти болезненным писком: Лана вздрогнула, успев позабыть о включенном звуке. Когда у тебя маленькие дети, о новых мелодиях на звонки и сообщения можно и не мечтать. Тут наоборот сам стараешься даже не дышать громко, чтобы не разбудить маленьких тиранов раньше времени.

«Привет, фея. Как дела?»

«Приветик. Все супер, бегу на встречу с девочками. А ты как?»

«Сестрице моей привет. Я на днях к ней загляну. А так у меня все хорошо. Хотел пригласить тебя на кофе».

«Я свободна до понедельника. Наберу тебя потом!»

«Не забудь, фея. Чмоки».

Лана чуть улыбнулась, радуясь новым планам. Хотелось выжать максимум из внезапного отпуска, поэтому она была рада предложению Артёма.

Собравшись окончательно, Лана надела туфли на каблуках, которые хорошо подчеркивали её длинные ноги и делали силуэт ещё тоньше и выразительнее. Привыкшая всегда слышать от родителей замечания по поводу собственной внешности, девушка старалась выглядеть лучше, красивее. Ей нравилось притягивать взгляды и получать комплименты.

Уже у самого выхода снова настойчиво зазвонил телефон. Даже не взглянув на экран, девушка торопливо ответила:

— Да?

— Ты почему не звонишь мне?

Голос матери прозвучал так, что Лана невольно выпрямила спину, будто снова оказалась за школьной партой. И закатила глаза, ругая себя за поспешность. Стоило сперва всё же посмотреть, кто решил потревожить, прежде чем отвечать.

— Привет, мама.

Желудок неприятно стянуло.

«*Помяни чёрта*», — горько пронеслось в мыслях. Мать всегда чувствовала моменты, когда Лана была готова стать счастливой, и наносила удар первой. Каждый ее звонок сопровождался или скандалом, или тонной упреков.

— Почему не звонишь? Я же просила звонить мне каж-

дый день, — привычным тоном директора школы отчеканила женщина, словно отбивая строгий ритм метронома. — Где дети?

— С Ольгой Владимировной.

— О боже, Светлана, — голос матери стал строже. — Когда ты уже перестанешь строить из себя первоклассницу? Ты должна называть её мамой, но на вы, — наставительно, словно зачитывая параграф из учебника по этикету, произнесла мать. — Я свою свекровь всегда называла мамой. Так положено.

— Что ты хотела? — Лана лишь сильнее сжала телефон. Эти разговоры всегда превращались в экзамен, который невозможно сдать на отлично.

— Узнать, как дети, и напомнить, чтобы сразу после начала каникул вы приехали на дачу.

Лана едва не застонала. Дурацкое правило, которое почему-то соблюдалось из года в год. Первое июня — они собирались и уезжали за город. Надвигалась ежегодная ссылка.

— Детям нужен свежий воздух! — продолжила мать. — Я знаю, что ты стоишь и закатываешь глаза. Не смей быть эгоисткой и держать их в душном городе!

— Мы попозже приедем.

— Никаких — позже.

— Мама...

— Мало того, что ты вечно шляешься где-то, бросаешь детей на Олежку с его матерью, так ещё и не думаешь о де-

тях! Каково им летом париться в городе?

Иногда хотелось сменить номер и никогда больше не отвечать на звонки родителей. Хотя надо отдать должное отцу, он обычно не участвовал в тирании матери. Лишь изредка вспоминал, что и от себя необходимо добавить пару наставлений. Основным диктатором в семье была мать, с её железной дисциплиной и любовью к порядку.

— Мы приедем, когда сможем.

— Я сказала...

— Ты очень много говоришь, — неожиданно не удержалась Лана. — Я должна сидеть дома, сутками заниматься детьми, а потом ещё ехать к тебе выслушивать упрёки?

— Ты что, оглохла?! — крикнула женщина. — Я сказала, чтобы...

— Мне плевать, что ты сказала.

— Как ты смеешь так со мной разговаривать, неблагодарная?! — Голос матери сорвался на визгливый, привычно обвиняющий тон. — Я тебя вырастила, воспитала, дала тебе образование, а ты, тварь такая, даже не думаешь о своих детях! Родила и бросила на мужа, а Олег на себе всё тащит! А ты...

— Ухожу встречаться с подругами. Пока, мама.

Лана отбила звонок и убрала звук.

Хоть родители и не работали по большей части, отдавать детей на всё лето Лана не решалась, поэтому покорно принимала свою долю дачной ссылки. Но и там не получалось

отдыхать. Мать вставала в шесть утра, поднимала всех: детей отправляла в сад гулять, Лану заставляла накрывать на стол, мужа, если тот не ездил в город к ученикам, гоняла в магазин и обратно. Поэтому Лана старалась как можно позже уезжать за город и при первой возможности возвращалась обратно в Петербург. Правде, ей чертовски не везло с поездками: то перебои с электричеством, то авария на путях, то безумный пассажир.

Возможно, это глупо, но она хотела снова оказаться в том вечере, когда ни о чём не надо было думать, а просто пить кофе и идти рядом с тем, чьё присутствие удивительным образом снимало тревогу. Тот короткий эпизод казался ей порталом в иную реальность, куда не проникали ни бытовые заботы, ни властный голос матери, ни шум детской площадки. Она тосковала по лёгкости того общения, по ощущению защищённости, которое подарил ей Лекс — тихому, почти непривычному. Ей хотелось вновь ощутить этот уютный полумрак парка, где можно было просто быть собой, не притворяясь сильной матерью или примерной женой, а просто Ланой, которой рядом с ним вдруг стало легче дышать.

Не успела Лана выйти из квартиры и спуститься на первый этаж, как услышала знакомый голос.

— Ой, Светочка, ты куда летишь такая красивая? — Консьержка выглянула из-за стеклянного окошка. Лана сдержанно улыбнулась в ответ.

— Дел много, — отозвалась она, испытывая глупый стыд. Казалось, что если скажет правду, что идет к подругам на встречу, то получит осуждение.

— Олежа сказал, что скоро на дачу поедете. Я обещала приглядывать за квартирой.

Лана поджала губы, сдерживая мгновенно вспыхнувшее раздражение. Очевидно, мать успела и ему позвонить. При том гораздо раньше.

— Вряд ли, — ответила она тихо. Потакать требованиям матери она не собиралась. Если им нравилось сидеть на даче, то это не значило, что надо и ей бросать все свои дела и планы. Дети и так прекрасно проводили время.

Лана поспешно выскочила из парадной, едва сдерживая злость. Почему все думали, что имели право решать за неё? Почему никто не интересовался её планами? Почему не спрашивали, чего хочет она? Как будто её мнение ничего не значило, словно ей давно выдали роль, которую она обязана играть без права на отказ. Мать давно привыкла решать всё за остальных.

Уже через пятнадцать минут Лана стремительно приближалась к месту встречи, когда ей пришло сообщение от мужа, что он едет домой. Следом прилетели и деньги на карту, чтобы она точно хорошо провела время.

День казался таким странно светлым и лёгким, даже несмотря на обычную ссору с матерью. И Лана все равно невольно ждала подвоха.

Девушка легонько ущипнула себя, но ничего не изменилось. Она всё ещё стояла у входа в метро, пока поток людей огибал её с двух сторон. Муж, конечно, никогда не отказывал ей в деньгах и зачастую его и просить не нужно было, но сегодня девушка чувствовала какой-то подвох. Не мог он так резко остыть, стать милым и заботливым супругом.

В любой другой день она бы подумала, что он заглаживает вину. Но сейчас эта щедрость ощущалась как аванс за что-то, о чём она ещё не догадывалась.

— Схожу с ума, — пробормотала она, вставила наушники и шагнула в безликий поток, позволяя людскому водовороту подхватить её и утянуть вниз, в самые глубины города. Прохладный воздух станции ударил в лицо, пахло металлом, сыростью и чьими-то духами.

Скорее всего, Лана попросту накручивала себя впустую, создавая проблемы на ровном месте. Олег ведь иногда забирал детей к родителям, всегда пополнял ее карту, писал сообщения, полные волнений.

Почему же именно сегодня ей было не по себе?

В вагоне тоже оказалось немало людей, но Лана была миниатюрной и постаралась буквально втиснуться в угол, стремясь занять как можно меньше пространства. Ехать недолго, но и дёргаться от каждого неосторожного прикосновения не хотелось. К тому же, так она могла видеть всех пассажиров, обезопасив себя от ненужного контакта. Случайное касание чужого бедра отозвалось в теле электрическим разря-

дом. Лана едва не вскрикнула, вжимаясь в холодный металл вагона. Лана резко вдохнула, пытаясь подавить подступающую панику.

Андрея здесь нет, а все мужчины подряд не собираются её насиловать.

Особенно в забитом людьми месте.

Выравнивая дыхание, девушка прикрыла глаза на несколько секунд. Ей стоило больших трудов не выскочить из вагона раньше времени, но не могла же она теперь шараться от каждого человека. Опаздывать не хотелось, хотя времени было с запасом. К тому же, она не могла постоянно жить в страхе. Надо как-то бороться с этим.

Выбравшись на поверхность, Лана сделала глубокий вдох и осмотрелась. У неё оставалось ещё минут двадцать до встречи с подругами, поэтому девушка, недолго думая, завернула в книжный на Невском. Там, как и всегда, было много народу. Удивительно, но даже в век бездушных экранов люди покупали бумажные книги. Издательства из кожи вон лезли, создавая невероятно красивые обложки, привлекая оригинальными сериями и собирая удивительные истории. Лана невольно замедлилась у витрин с новинками. Книжные магазины всегда действовали на неё успокаивающе.

Ходя по рядам, она подумала о детях, которые наверняка сейчас восторженно прыгали вокруг отца, радуясь поездке на дачу. В отличие от нее, малыши обожали носиться босиком по траве, пахнуть солнцем и озерной водой, помогать

дедушке в сарае. Девушка невольно улыбнулась: они жили свою лучшую жизнь прямо сейчас.

Лана обошла с десятков рядов, выбирая самое цепляющее глаз, и направилась на кассу. Расплатившись, она бросила взгляд на закладку с изображением книг и забавной надписью. В голове мелькнуло искушение взять и её — крошечный, почти невесомый повод для новой встречи.

Новой встречи.

Она говорила себе это так, словно свидание было назначено. А ведь у неё даже его номера нет.

Вздохнув, Лана отправилась на выход, спеша на встречу и сворачивая с шумного Невского, переполненного людьми. То, что она пришла раньше, не смущало. Она заказала кофе и пролиستала новинки, размышляя о новом шкафе, потому что книги постепенно захватывали квартиру.

Пока подруги рассаживались, Лана успела оформить заказ на стеллаж и в пару кликов оплатить ещё несколько книг. Покупка книг давно стала её любимым способом радовать себя.

— О, все в сборе! — Марй довольно улыбнулась и махнула рукой: официант появился у столика почти бесшумно. Собрав заказы, он сбежал так быстро, будто действительно испугался их компании. — Хорошенький такой... — Подруга проводила официанта оценивающим взглядом, то ли примериваясь, то ли думая о чем-то совершенно неприличном.

— Маша! — возмутилась Серебрякова шутливо. Паренек

выглядел совсем молодым, потому и вздрагивал от каждого вздоха в свой адрес, как неоперившийся птенец. — Не смотри на него, а то он уронит все подносы.

— Бедняжка... — Подруга насмешливо облизнулась с видом человека, готового флиртовать даже с фонарным столбом. — Ладно, что у нас на повестке дня?

— Во-первых, Лана, ты отпадно выглядишь! — встряла темноволосая Полина, восторженно разглядывая подругу. — Мне так нравится твой мейк!

— Да это все на скорую руку, — отмахнулась Лана с улыбкой. Ей было приятно получить комплимент, тем более за макияж. Она не хотела признаваться, что в спешке старалась не напортачить. И, кажется, ей повезло.

— У меня подружка одна, семейная мадам, с одним карапузом вообще не справляется! Она ходит по дому как нечисть из страшилок, муж ворчит. Не удивлюсь, если изменяет, — влезла Оксана, поправляя рукава на платье.

— Мерзость, — скривилась Полина. — Я про мужа! Девушки оживились, окончательно устраиваясь за столом. Марй деловито достала блокнот, ручку, и с самым серьезным видом просмотрела записи.

— Слушай, Светла, а когда за третьим-то? — внезапно спросила Оксана.

Лана скривилась: она ненавидела, когда люди по-разному сокращали ее имя, хотя прекрасно знали, что она этого не любит. Но еще больше она бесилась с этого вопроса.

Когда за третьим.

Возможно, она и правда хотела бы ещё детей. Может, даже двоих. Но точно не от Олега.

Прошло всего три года с момента рождения сына, Олег присутствовал в их жизни лишь номинально, оставляя её один на один с бесконечным циклом кормлений и баюканий в первые месяцы. Она практически не спала весь год, а ведь еще и старшая дочь всегда с ней.

Конечно, обе бабушки помогали по мере сил: одна иногда забирала детей к себе за город, вторая охотно сидела с ними здесь, но это всё равно не спасало от постоянного изматывающего напряжения. Первый год — самый сложный. Лана только недавно стала более или менее нормально спать, не вздрагивая каждый раз от малейшего звука.

Будь Олег более отзывчивым и понимающим, она, возможно, и предложила бы ему завести третьего. Ведь она, несомненно, любила своих детей: и непоседливую хохотушку дочь, и скромного, тихого сына, но ей их хватало вполне сейчас. Идти за третьим она пока точно не собиралась.

Ей не нравилось состояние постоянного раздражения, не нравилось лишать внимание одного ребенка ради другого.

Нет, этого она точно не хотела.

Возможно, однажды она решится. Через несколько лет, когда поймет, что все-таки готова еще раз пройти через все это, если их жизнь с Олегом не станет ещё хуже. Но пока что ментальное здоровье важнее.

Некоторые женщины будто действительно жили материнством и легко растворялись в нём целиком. Лана так не умела. Были и такие знакомые, которые рожали чуть ли не каждые два года.

— Пока что нескоро, — Лана наморщила нос, всем своим видом показывая недовольство вопросом. Продолжать этот разговор не хотелось, тем более, что она знала: Мари́ мечтала о большой семье. И это удивительно: Егорова всегда отличалась любовью к праздникам, вечеринкам, шумным компаниям, вниманию к себе. Тот факт, что она вышла замуж и сразу родила, многих удивил. И при этом она хотела еще детей. Но, к сожалению, не все желания исполнялись по щелчку пальцев. И Оксана это прекрасно знала.

— Оставь ее, — Мари́ перевернула страницу блокнота. Голос у подруги звучал уже менее дружелюбно, но по-прежнему спокойно.

— Да ладно вам! Жизнь — полная чаша, муж обеспечивает, сиди себе да радуйся, чего не родить-то? — Оксана явно не желала отступать. Лана снова закатила глаза. Она уже ответила на вопрос, её поддержала даже Мари́, но Окс продолжала гнуть свою линию.

Ей не хватало воздуха. Невского, прогулок, спонтанности, шума города и возможности просто выйти из дома тогда, когда хочется. Подруга же предлагала ей полностью противоположное.

К счастью, разговор всё-таки свернул в другую сторону.

Пока заказ готовился, подружки обсудили последние приобретенные книги, поговорили о прочитанном. Особенно бурный спор возник из-за яркой новинки, которую рекламировали сами драконы.

Когда официант разложил всё на столе и поспешил удалиться, девушки сделали небольшой перерыв. Гораздо приятнее спорить на сытый желудок: рвать и метать за любимого героя уже не хочется, но вот лениво отстаивать свою точку зрения — вполне.

Лана задумчиво сделала глоток кофе и перемешала пасту вилкой. Эти книжные встречи она любила, но разговоры о личном немного раздражали. При этом Оксану сложно было осуждать — виделись они не так часто, поэтому она и задавала такие вопросы.

— Кстати, — Лана подняла голову, отвлекаясь от еды. — Я, возможно, приведу к нам подругу.

— Я её знаю? — оживилась Марі.

— Не уверена, — пожала плечами Серебрякова. — Мы с ней познакомились во время игры в «Мафию».

— А... — Подруга поморщилась так, будто речь шла о подростковой ерунде. — Эти ваши игры.

Лана чуть изогнула уголок губ. Раньше она болезненно реагировала на подобные выпады, не понимая, почему должна оправдываться за то, что ей нравится. Даже иногда чувствовала себя виноватой. Девочки, с которыми она обсуждала книги, всегда свысока смотрели на других её друзей.

«Мафия» звучала, очевидно, слишком просто. Однако Лана не жалела, что открыла для себя этот мир. Первые игры проходили онлайн, и она едва успевала набирать текст, читать и реагировать. А потом компания решила встречаться вживую.

— Что такого интересного в этих играх? — Марі спросила с тем самым ленивым любопытством, за которым обычно пряталась очередная шпилька. — Раньше ты зависала в телефоне сутками.

— А теперь игра занимает всего-то пару часов, — Серебрякова чуть повела плечом. К сожалению, не на все игры удавалось попасть, но зато участие ей всегда нравилось.

Но Лана знала: подруга обожала поддевать всех. Ей нравилось выглядеть умнее и лучше остальных, быть той, над чьими шутками все смеются, кем восхищаются. Иногда Лане казалось, что Марі самоутверждается за счёт чужой неловкости.

— И все же? — Остальные девушки уже отвлеклись, но Маша продолжала смотреть только на Лану.

— Даже не знаю, — Лана сделала глоток кофе. — Новые знакомства, общение, разгул фантазии, адреналин. Каждая игра — новая тематика, всегда можно узнать что-то новое.

— Скукота, — подруга демонстративно зевнула. За годы дружбы Лана давно привыкла к таким выпадам, и верила, что Маша не хотела ее обидеть. Та просто любила выпендриваться. А остро реагировать не имело смысла.

— Спроси своего брата. Он с нами иногда играет.

Марі фыркнула и закатила глаза. Этот аргумент ее волновал еще меньше.

Лана слегка улыбнулась. Уют кафе с его ароматом корицы и старого дерева действовал как мягкое обезболивающее, на время притупляя тревогу. Запах свежей выпечки и крепкого кофе смешивался с оживленными голосами посетителей. За окнами медленно текла вечерняя жизнь Невского.

— Кажется, я знаю, с кем тебе надо познакомиться, — неожиданно хмыкнула Марі. — Помнишь день рождения Кэт?

Лана невольно вздрогнула. Это был одновременно ужасный и прекрасный вечер.

— Да, было... забавно.

Марі прищурилась, но ничего не сказала на подобную оценку праздника.

— Так вот, там были ребята, которые тоже увлекаются этими... играми.

Лана удивленно подняла брови. Кажется, не ту компанию она себе нашла в тот раз. И почему Маша ничего не сказала об этом, когда они сидели на кухне?

— Есть несколько классных игроков, как я слышала от друзей. Меня туда звали сто раз, но я так и не пошла. — Маша снова картинно закатила глаза. — Там был парень, которого мало кто знал, но как раз-таки игроки в курсе были. Андреем зовут, он отлично играет, — продолжала подруга, яв-

но не замечая, как девушка вздрогнула повторно. Лане хотелось верить, что речь о другом Андрее. — Правда, он что-то резко сбежал, даже с Кэт не попрощался... Я слышала, что он вроде раньше в полиции работал. Но там что-то произошло, и он уволился. Кажется, к нему начальница приставала.

— Ты знакома с этим Андреем? — осторожно уточнила Лана. Марй неопределенно повела плечами.

— Не больше, чем с остальными гостями.

Серебрякова поджала губы. Она хотела услышать другое имя, чтобы получить возможность задать пару вопросов, но упоминание этого ублюдка напрочь отбило желание общаться.

Лана отвела взгляд к окну, пытаясь успокоиться.

На пороге кафе показались две опоздавшие девушки, которые сразу кинулись обниматься с остальными. Быстро сделав заказ, они устроились за столом и притихли, чтобы послушать Егорову.

— Так вот, — Маша сделала глоток кофе. — Начальница там, говорят, буквально охотилась на молодых парней...

— Да ты что? — воскликнула Полина, накрыв ладонью рот. — Это же возмутительно! Вот сука какая... А он что?

— А он не хотел вступать с ней в интимную связь. Отшил, а она пригрозила устроить ему проблемы. Ну он и уволился.

Не хотел, как же...

— Бедный, — посочувствовала новоприбывшая Таня, при этом нетерпеливо поглядывая на официанта. — Я ниче-

го не ела с самого утра, — одними губами прошептала она.
— Как и начальница того парня, — хихикнула Оксана.

За столом прокатился дружный смех. Лана всё ещё чувствовала неприятную тяжесть внутри и только вежливо улыбнулась. Если убежал, значит точно тот самый Андрей. Но раз тоже играл в “Мафию”, значит в другой компании. Лана решила позже написать Карине, которая знала всех, играя в разных группах.

Марі вернула себе серьезный вид и поправила волосы.

— Сама Кэт иногда балуется, и я не понимаю, зачем ей это.

— Она отлично играет, — заметила Лана. — Хитрая, коварная! Так и не скажешь, глядя на неё. В общении такая весёлая, задорная, а в игре как вцепится мертвой хваткой — так всё.

Подруги заметно заинтересовались.

— Ты попробуй, — повторила Лана Марі. — Вдруг тебе понравится.

— Вряд ли, — подруга наморщила нос. — О, ещё же Лекс играет.

— Лекс? — Полина загорелась. — Тот серьезный красавчик?

Лана медленно облизала мгновенно пересохшие губы и растерянно оглядела подруг. В голове снова вспыхнули образы того вечера: прогулка, кофе, беседа, случайные прикосновения. Хорошее постепенно вытесняло всё остальное.

— Да-да, он самый. Он с женой играет. У них там какой-то свой элитный клуб... Или нечто в этом роде, я не вникаю в подробности. Но там, говорят, всё слишком официально. — Имя Романова слишком легко выбивало её из равновесия. Марі будто нарочно не замечала очевидного. Но Лана даже спорить не хотела. Внутри все сжалось.

— А как его найти? — Полина решила побить все рекорды по неожиданным вопросам, её голос звенел от предвкушения.

— Не советую его искать, — не менее внезапно ответила Марі.

— Почему? — Лана даже не поняла, когда успела задать вопрос, её голос был едва слышен. Подруга лукаво взглянула на неё с выражением опытного игрока, который только что выложил на стол козырного туза.

— Потому что он бабник, — ответила она. За столом сразу стало тише. — Да, я много чего слышала. Начинается с невинного флирта, а потом уже непонятно, что происходит, но как итог — разбитое сердце. Он даже имён не запоминает.

— Мерзость какая, — протянула Таня. — И зачем жена это терпит?

Удивительно было не то, что Маша решила поделиться сплетнями, а то, что она один в один повторила слова Андрея. Что за репутация была у Лекса, что два совершенно разных человека говорили одно и то же?

Эти слова почему-то задели её сильнее, чем должны были.

Она постаралась сохранить невозмутимое выражение лица, делая вид, что увлечена своей пастой. Её взгляд скользнул по окну, за которым медленно проходила пожилая женщина с тростью.

— Я вообще-то про клуб спрашивала... — встряла Полина, виновато улыбаясь. — Но спасибо за внезапную информацию.

— Ты подозрительно много о нём знаешь, — не удержалась Лана, на что Марі пожала плечами. Было видно, что подруга что-то не договаривает.

— Так или иначе, влюбляться в него не советую. Он играет с женщинами. Ловит с этого кайф, не более.

Эти слова неприятно резанули. Лане стало не по себе. Конечно, между ними ничего не было, и они даже не виделись больше с той ночи, но девушка цеплялась за ту ночь как за единственное доказательство того, что мир не состоит из одних лишь Андреев. С трудом верилось, что этот серьезный, но вполне дружелюбный молодой человек способен обманывать девушек, играть их чувствами. Неужели всё то тепло и внимание, которые она почувствовала той ночью, были всего лишь частью его привычной игры?

Не мог же этот случайный рыцарь оказаться таким же, как тот, от кого он её защитил?

Внутри Ланы боролись противоречивые чувства. Разочарование, какая-то детская обида, но и упрямое нежелание верить услышанному.

С другой стороны, он всего лишь помог ей и предложил пройти, а она уже успела превратить случайную ночь в нечто большее. Возможно, он о ней даже не вспоминал.

— Но... — начала было Полина.

— Давайте не будем о нём. Лучше расскажите, что у нас на следующую встречу.

— «Любовник леди Чаттерлей».

Петербург менялся каждый день, а жизнь Ланы — почти нет. Дети требовали неусыпного внимания, родные надоедали звонками, а подруги заманивали в сети праздной жизни, куда девушка и тянулась всем сердцем. Подаренных свободных дней было мало, муж и дети вернулись слишком быстро, и свобода закончилась раньше, чем она успела к ней привыкнуть.

Снова подкрались выходные, и Лана с большим удовольствием проводила Олега к родителям.

Оставшись с детьми одна, она, недолго думая, организовала им забег с препятствиями в виде подушек, перевернутых стульев и сладкого приза на финише.

Майский Петербург наконец расцвёл сиренью и тюльпанами, но Лана почти перестала замечать эту красоту. Этот месяц скользнул незаметно, отмеченный лишь настойчивыми, почти бессознательными попытками отыскать Лекса в бесконечном лабиринте чужих профилей и пустых аватарок. Она сама не могла объяснить эту навязчивую потребность, ведь слова Марии звучали ледяным ветром, обесценивая ту самую ночь. Но в сердце Ланы теплилась упрямая искра веры, что слова подруги — лишь мираж, пустые слухи, просто попыткой отвести лишних девушек. Возможно, за этим стояла ревнивая тень жены?

Лана и хотела, и одновременно боялась снова встретить Романова, не зная, что сказать ему, как объяснить свою одержимость. Она и сама не понимала, почему продолжает искать его. Найти человека, не привлекая постороннего внимания — это целый квест. Не зря же она любила играть в “Мафию”, где всё строилось на логике и умении читать людей. Правда, были игроки, которые полагались исключительно на удачу. И под конец недели Лана убедилась, что фортуна — это то, что ей нужно. Самая малость.

То бросая, то возобновляя поиски, девушка боялась признать себе, что её интерес к ночному спасителю пустил глубокие корни. И Лана всё сильнее эмоционально привязывалась к этому воспоминанию. Это казалось абсурдным — мимолетная прогулка по спящему городу не должна была оставить такой след. Но Лана всё равно цеплялась за это воспоминание, как за редкий глоток воздуха.

Когда дети устали бороться с мебелью и съели все предложенные матерью конфеты, они начали носиться по дому с криками и смехом. Лана поняла: пора на улицу.

Сборы не заняли много времени, и уже через пятнадцать минут все трое оказались на детской площадке. Малыши бросились навстречу друзьям, а Лана устроилась на отдаленной скамейке, бездумно глядя перед собой. В это время гуляли не только мамочки, но и отцы. Как-никак вечер пятницы, и некоторые мужья возвращались домой пораньше.

— Мам, смотри! — Дочь подбежала, протягивая крошеч-

ный камень необычной формы. Он мерцал призрачным светом в ее ладонке. — Нравится?

— Очень, спасибо, солнышко, — улыбнулась Лана, чувствуя укол нежности. Девочка тут же умчалась обратно к друзьям, а Лана невольно улыбнулась ей вслед.

Несмотря на назойливые мысли о ночном спасителе, Лана все же с грустью подумала о муже, который предпочел провести выходные на даче, а не дома. Хотя она и радовалась отсутствию упреков и раздражению с его стороны, но в глубине души все же надеялась на какое-то детское чудо. Все-таки Лекс был женатым мужчиной, запретным плодом, о котором и думать не стоило, а Олег был ближе, роднее. Несмотря на все их ссоры, она ни разу не изменила ему за все эти годы.

Да, иногда шальные мысли проскальзывали. Она пыталась представить, каково это — ощутить чужие прикосновения, распробовать чужой поцелуй, отдаться какому-то спонтанному желанию. Но каждый раз ей становилось не по себе от собственных мыслей. Флирт флиртом, а дальше случайных прикосновений и улыбок Лана никогда не заходила. Боялась ступить в темные воды омуты безумия.

Да, Романов появился словно луч света, пробившийся сквозь тучи. В нужное время в нужном месте. Но имела ли она право расширять свои фантазии?

Наверное, нет.

Лекс казался ей призрачным видением, растворившимся в тумане петербургских ночей. Те, кто знал его, почему-то

ничего толком не рассказывали. В минуты отчаяния хотелось сделать хоть что-нибудь, лишь бы эта неизвестность закончилась. Но Лана лишь неподвижно смотрела в одну точку, не понимая, что делать дальше. Хуже всего было осознание, что она даже не уверена, нужна ли ей эта буря чувств. Она так сильно запуталась, злясь на саму себя: всего одна встреча, никаких обещаний, ни единого намека на продолжение.

Возможно именно таинственность и манила ее больше всего. Хотелось разгадать эту тайну, познакомиться поближе и успокоиться: ведь он мог оказаться совершенно обыкновенным человеком. В ту ночь Лана была на эмоциях, пережила стресс и даже Квазимодо показался бы ей красавцем, а Чарли Гордон — гением.

Лана неопределенно мотнула головой, чувствуя укол смущения. Читая украдкой по ночам классические романы о любви, она нахваталась витиеватого слога, и даже собственные мысли казались ей возвышенными, а сравнения изысканными, нежными, как речь прекрасной леди.

— Лана?

Девушка вздрогнула, резко поворачивая голову на звук. Погруженная в собственные мысли, она не сразу узнала голос, хрипловатый и неуверенный. Голос, который она надеялась больше никогда не услышать, но он порой настигал ее в тихих заводах сновидений.

Лана замерла, будто сурикат, застигнутый врасплох хищ-

ником. Меньше всего на свете она ожидала вновь увидеть его, услышать этот голос, особенно здесь, среди песочных замков и детского смеха.

Сдерживая дрожь, Серебрякова медленно поднялась, отступая от площадки. Любопытные взгляды мамаш были нежелательными свидетелями. Они и так плели кружева сплетен из каждого дуновения ветра, не хватало еще стать частью их очередной городской легенды.

В стороне стоял Андрей в черной куртке. Переминаясь с ноги на ногу, упрямо смотрел себе на ботинки.

Андрей.

Ублюдок.

— Что ты здесь делаешь? — прошипела Лана, пряча страх за ледяной злостью. Её тело напряглось, инстинктивно просчитывая пути отступления. Она знала, где выход, куда бежать, но как успеть схватить детей и уйти — она не знала.

Откровенно говоря, внезапность встречи на мгновение парализовала её. Тот липкий страх, который порой возвращался в ночных кошмарах, где он снова пытался завладеть ею. Единственным спасением в этих снах всегда было внезапное появление Лекса, и этого почему-то хватало, чтобы проснуться без паники.

— Я... Я хотел извиниться.

Панический поток мыслей прервался, словно внезапно перекрыли течение реки. Лана удивленно уставилась на него, не до конца понимая смысл его слов. Они звучали чужеродно

в её сознании, где он был олицетворением зла, едва не разрушившего её мир. Извинение казалось фальшивой нотой в симфонии её боли. Она несколько раз быстро моргнула, пытаясь убедиться, что не спит. Смутно, но она вспомнила слова Романова о возможных ошибках, о том, что не всё так однозначно. Неужели он уже тогда видел эту тень сомнения?

Но...

Извиниться. Он произнёс это так просто, так легко, будто не его мерзкие руки лапали её на балконе под покровом ночи. Словно не он прижимал её своим весом к дивану, игнорируя её сопротивление и разрывая в клочья чувство безопасности.

— Мы можем поговорить?

Лана не хотела разговаривать. Не хотела видеть его. Не хотела дышать одним воздухом с этим человеком, находиться с ним на одной улице, словно она могла заразиться его скверной.

Но где-то глубоко внутри звучал спокойный голос Лекса, словно маяк в тумане её страхов, уверяющий, что всё будет хорошо.

Сделав глубокий вдох, Лана бросила мимолётный взгляд на детей, увлеченно играющих в своём маленьком мире. Она всё ещё сомневалась в разумности этого разговора, но любопытство, словно цепкий плющ, уже обвивало её сознание. Возможно, он сможет объяснить, что произошло той ночью, помочь ей понять, почему всё зашло так далеко.

Возможно, она даже сумеет ему поверить.

Молча кивнув, она отошла немного в сторону, подальше от любопытных глаз, и перевела взгляд на молодого человека. Тот благоразумно держался на расстоянии, сохраняя между ними осторожную дистанцию.

— Я хотел извиниться за тот вечер, — начал он, смотря девушке в глаза. — Я был уверен, что там все собрались ради... этого.

— Надругаться надо мной? — не выдержала Лана, и в её тоне прозвучала резкость. Держать себя в руках оказалось гораздо сложнее, чем она думала.

— Нет, — вздохнул Андрей. — Ради секса на один раз.

— Кто тебе такое сказал вообще? Ты разве не видел, какая публика там собралась?

— Да меня позвала подруга, говорит, классная тусовка, оторвемся как надо, — он виновато посмотрел на Лану. — А я люблю посещать такие... мероприятия.

Лана обняла себя руками, чувствуя, как внутри поднимается волна тошноты. Она уже слышала об этом мире мимолетных связей, о людях, ищущих утешение в случайных объятиях. К сожалению. С одной стороны, это многое объясняло, и Лекс, возможно, действительно оказался прав. С другой стороны, она ощутила себя грязной, будто весь этот разговор снова втягивал её в тот вечер. Ей захотелось раствориться в невольской дымке, исчезнуть без следа.

— И ты решил, что я идеально подхожу для этого? — Ла-

на почувствовала, как снова закипает гнев. — Я даже ушла подальше от всех, чтобы никого не видеть.

— Так меня к тебе направили, сказали, что это ты так привлекаешь партнёров...

— Прости, что? — опешила Лана.

— Да, типа ты уходишь, сидишь одна и ждёшь, когда кто-то тебя... эээ... подцепит.

— А тебя вообще не смутило, что я сопротивлялась и просила слезть с меня?!

— Мне сказали, что тебе нравится такое... Ну... Типа... Играть в изнасилование.

На секунду Лана даже перестала понимать, что чувствует сильнее — ужас или отвращение. Она думала, что готова услышать любое оправдание, но это... это было за гранью. Даже в самых мрачных фантазиях она не могла представить себе подобное. Одно дело — ролевые игры с любимым человеком, которому доверяешь безгранично, и совсем другое — позволять прикасаться к себе незнакомцу, руководствуясь чьей-то грязной ложью. Ее мысли порой и блуждали по темным закоулкам желаний, но на то они и мысли, чтобы оставаться в заточении разума. Девушка невольно отступила на шаг назад, словно спасаясь от невидимой угрозы.

— Кто... кто тебе это сказал? — Ее голос дрожал. Последние слова она произнесла едва слышно.

— Черт... Я тогда перебрал. И вообще не помню лиц. — Эндрю замаялся, даже немного занервничал. — Кажется, это

была какая-то девушка.

— Как она выглядела?

— Не помню, правда. Я даже не уверен, что это девушка. Я пытался вспомнить, сам хотел спросить, за что меня так подставили, — Андрей машинально потер челюсть, явно помня сильный удар. — Прости меня.

Лана пыталась найти слова в ответ, но все мысли спутались. Шок не отпускал.

— Ты не выглядел пьяным, — мрачно заметила она.

— Я выгляжу слишком трезвым, когда выпью больше нормы, — признался молодой человек. — Помню, что уже пришел навеселе, помню, что даже пытался узнать, где тут специальная комната, но меня игнорировали.

— Я даже представить себе не могу, кто мог тебя ко мне направить, — Лана накрыла рот ладонью, лихорадочно перебирая в памяти знакомые лица. Но среди ее окружения таких негодяев точно не было. Особенно девушек.

Кто бы стал подставлять ее и чего ради?

Неужели кто-то ненавидел ее настолько сильно, что толкнул незнакомого человека на такое? А если бы Лекс не появился тогда? Неужели кто-то в самом деле желал ей чего-то настолько страшного?

Девушка в ужасе снова обхватила себя руками, пытаясь удержать расползающийся мир.

— Прости... — повторил Андрей. — Я правда не хотел, чтобы все вышло вот так.

— Вспомни хоть что-то, — попросила она, но в голосе отчетливо прорезались требовательные нотки. Несмотря на шок и отвращение, Лана ощущала и прилив ярости. Ей хотелось разорвать этого никчемного ублюдка на месте.

— Я пытался, говорю же, — раздраженно отозвался парень, и тут уже Серебрякова сделала полшага назад, помня, каким сильным он оказался по факту.

Роль парня в этой кошмарной сцене, конечно же, теперь казалась ей не такой однозначно ужасной. Настоящим злом был тот, кто нашептал ему ядовитые слова лжи, из-за которых тот вечер превратился в кошмар. Но Лана прекрасно помнила все те мерзости, что он говорил, озвучивая свои похотливые мысли. Брошенные вскользь, возможно уже забытые им самим, они въелись в память Ланы.

— Я кстати познакомился с отличной девушкой, — неожиданно пробормотал Андрей, пытаясь перевести разговор хоть на что-то нормальное. Лана моргнула, прогоняя навязчивые образы. — Элен.

— Рада за вас, — негромко ответила Лана, чувствуя внезапную усталость. — Мне надо возвращаться к детям.

— Да, конечно, — Андрей закусил губу и впервые нормально посмотрел на неё. Она выдержала этот взгляд, не дрогнув. — Удачи.

Девушка ничего не ответила, молча отворачиваясь. Но внезапно замерла.

— Стой! — окликнула она парня и обернулась. Андрей

оглянулся, вопросительно подняв брови. — Как ты нашел меня?

— Ну, мне подсказали, — неохотно ответил он.

— Кто?

— Не могу сказать, прости.

Лана зло выдохнула. Все эти тайны Зимнего дворца уже начали ей надоедать. Она несколько секунд смотрела на молодого человека, но тот молчал, явно не желая сдавать своего информатора.

— Ты пришел сюда, чтобы — что? Ничего не рассказать?

— Она не сводила с него глаз. — Исчезни.

Андрей пожал плечами: то ли виновато, то ли смущенно. Он развернулся и пошел прочь. Разглядывая его спину, Лана почувствовала дискомфорт в животе: внутри все сжалось.

— погоди! — Вновь окликнула она Эндрю, хмурясь от внезапного озарения. Парень оглянулся через плечо. — Ты говорил... — Девушка запнулась, морщась. — Общий друг. Ты хотел позвать его. Кто это?

Андрей, казалось, немного растерялся. Возможно он не рассчитывал на хорошую память Серебряковой.

— Да неважно, это я это... Запугивал.

Лана вздохнула: он врал, она видела. По глазам, по микро-движениям. Но спорить с этим ублюдком не хотела.

— Надеюсь, мы больше никогда не увидимся, — бросила она холодно и поспешила обратно на детскую площадку.

Слова Андрея ничего не меняли.

Он всё равно пришёл к ней тогда.

Всё равно полез туда, куда его никто не звал.

Но теперь Лана впервые задумалась: возможно, в той истории был не один виноватый.

Что за общий друг? Что за девушка натравила на нее Андрея? Какая-нибудь влюбленная в ее мужа идиотка или обыкновенная завистница?

Скорее всего, какая-то девушка...

Не Мари́ же в конце концов.

— Как насчёт прогулки? — Голос Оксаны в телефоне звучал слишком бодро для субботнего утра. Лана лениво потянулась, переворачиваясь на другой бок. Мысль о том, чтобы провести весь день в тишине, казалась райским наслаждением после бурной недели. В прошлые выходные внезапно начался июнь, притом резко и с дождями, смывая встречу с Андреем и неприятный осадок.

Наступила очередная пятница и муж увез детей к родителям на какой-то семейный праздник, вновь обещая Лане несколько дней желанного одиночества. Но у Окс, словно у неугомонного петербургского ветра, были свои планы.

— Жду тебя на углу Невского и Литейного в двенадцать.

Лана снова зевнула, чувствуя, как Морфей неохотно выпускает ее из своих надежных объятий. Она понимала, что день без детского гама и бытовых забот – идеальное время

для встречи с подружкой, для того, чтобы провести день не как мать и жена, а как обычный человек. Ей совершенно не хотелось думать о том, почему супруг зачастил с поездками к родителям и почему стал предоставлять ей так много свободы и отдыха. Возможно, Ольга Владимировна как-то убедила его в этой необходимости, а может и сам осознал, как ей тяжело. В любом случае, девушка отмела тревожные мысли и неохотно выбралась из постели. Оксана была редким гостем на их встречах, поэтому Лана охотно согласилась на прогулку.

На сборы ушло не меньше полутора часов, и то лишь потому, что Серебрякова намеренно растягивала удовольствие от каждого момента. Она неспешно наносила макияж, с тем вниманием, которое обычно не могла себе позволить. Перемерила несколько нарядов, пытаясь уловить настроение этого странного дня, и наконец распустила волосы, ощущая легкое дуновение свободы. Выпив чашку кофе на балконе, она вдохнула прохладный утренний воздух, смешанный с запахом мокрого асфальта после ночного дождя.

Нельзя было сказать, что ее жизнь была несчастной. У нее было все, о чем многие могли только мечтать: уютная квартира, здоровые и любимые дети, муж, достаток. Не хватало лишь той беззаботной легкости, которая позволяла принимать спонтанные решения и пускаться в авантюры. Иногда Лане казалось, что каждый её день стал слишком предсказуемым. Хотелось позволять себе больше глупостей и радости,

смеяться без оглядки и не думать о неизбежном возвращении в привычную рутину.

Она скучала по той свободе, которая у нее была после университета и до брака. Конечно, она не жалела, что однажды сказала «да», но иногда всё же думала об альтернативной реальности: что было бы, откажи она тогда Олегу? Как сложилась бы её жизнь?

Лана приехала раньше назначенного времени, чтобы заскочить в кофейню на Невском, этом вечном сердце Петербурга. Небольшая очередь не омрачила ее настроения, ведь ей удалось выбрать аппетитное пирожное к кофе. Забрав заказ, девушка открыла чат с подругами, скользя взглядом по их оживленной переписке. Они обсуждали очередную любовную драму общей знакомой, чья бурная личная жизнь напоминала запутанный лабиринт петербургских дворов. Лана не осуждала, но подобная путаница в отношениях казалась ей чем-то утомительным. Тут бы с одним мужчиной управиться, то ли потакая его капризам, то ли одергивая, а уж когда их много — это же с ума сойти!

В университете у нее было много поклонников, которые жаждали ее внимания. Общаться с ними было здорово, она любила заигрывать, мило улыбаться. Разумеется, она не со всеми подряд бегала на свидания, но прогуляться по парку, посидеть в сквере на лавочке, или сходить на какой-нибудь открытый концерт — почему бы и нет? Но когда ухажеров одновременно несколько, всем не угодить. Слишком сложно.

Выйдя на Невский, она перешла дорогу и прислонилась к прохладной стене старого здания. Неторопливо попивая кофе и откусывая пирожное, Лана разглядывала прохожих. Каждая случайная сцена мгновенно превращалась у неё в голове в маленькую историю. В детстве она мечтала стать журналистом, ловить истории в бурном потоке городской жизни и рассказывать их миру.

Внезапный звонок Оксаны вернул ее в реальность.

— Ланочка, зайка, — голос подруги звучал взволнованно.

— У меня тут небольшое ЧП. Я сильно опоздаю.

— Что-то серьезное?

— Пока непонятно. Но кажется, у меня дома потоп... Возможно, я *очень* сильно опоздаю.

— Давай тогда перенесем встречу, — вздохнула Лана, понимая, что планы на день снова меняются, словно петербургская погода.

— Точно? Ты бы могла меня подождать...

— Не забивай себе голову, — отмахнулась Лана. — Я как раз сбегая по делам, а потом домой. Пока моих нет, отдохну.

— О, ну ладненько. Люблю тебя!

Девушка отбила звонок и сделала глоток остывшего кофе. Лана разочарованно вздохнула, но почти сразу поймала себя на мысли, что рада внезапно освободившемуся дню.

У всего есть свои плюсы.

Если бы Окс не позвала ее на встречу, то Лана бы и вовсе не вышла из дома. А раз она здесь, то можно поблуждать по

любимым магазинам, пройтись по знакомым улицам, впитывая историю каждого уголка. Лана обожала такие моменты, представляя, что город — живой человек, вышагивает рядом и нашептывает интересные факты о себе.

— Ладно, все к лучшему, — прошептала она, выбрасывая стаканчик в урну. Из всех возможных вариантов досуга она выбрала "Подписные издания" на Литейном, этот храм книжной мудрости, где время текло по своим, особым законам. Раньше она часто здесь бывала, унося с собой не только новые книги, но и ощущение прикосновения к чему-то вечному. Казалось, что все вокруг может обрушиться, стены падут, даже новостройки развалятся, а этот книжный будет стоять на своем месте всегда.

Переступив порог магазина, Лана вдохнула пьянящий аромат старых страниц и типографской краски. Это был ее личный Эрмитаж, где каждая полка — сокровищница историй. Обогнув несколько увлеченных читателей, она направилась к стеллажам с классикой, выискивая что-нибудь нечитанное.

— Черт, — пробормотала Лана, случайно задев плечом книжный шкаф. Тот даже не дрогнул, словно был вмурован в пол. Девушка мимолетно порадовалась своему легкому весу, иначе могла бы оказаться погребенной под лавиной слов. Потирая плечо, она остановилась перед полками, скользя взглядом по разноцветным корешкам. Некоторые отталкивали кричащим дизайном, другие манили зага-

дочными аннотациями. Она нашла свой список "хотелок", отставляя выбранные книги в сторону, и запрокинула голову, изучая верхние полки, словно пытаясь достать до самых звезд литературного небосклона. Увидев искомое название про аристократку и егеря, она потянулась за книгой, вытягивая ее из плотно зажатых соседей, но внезапный толчок в спину нарушил ее равновесие. Кто-то, словно невский трамвай в час пик, пронесся мимо, не церемонясь. Лана инстинктивно выставила ладони, падая грудью на полки, и почувствовала, как верхний ряд книг опасно зашатался.

Моментально зажмурившись, она приготовилась к боли, но вместо удара почувствовала чью-то сильную руку. Осторожно приоткрыв один глаз, Лана увидела, как чьи-то пальцы перехватили падающую книгу.

— Ты в порядке? — не без легкой улыбки поинтересовался Лекс.

Лана широко распахнула глаза, и медленно подняла взгляд на своего неожиданного спасителя. С того памятного вечера прошло столько времени, столько дней она провела в плену мыслей об этом человеке, столько раз рисовала в воображении их новую встречу, уже даже занижала все ожидания, чтобы не расстраиваться... И вот, судьба свела их вновь в тихой гавани ее любимого книжного, когда она меньше всего этого ожидала.

— Наверное, — прошептала Лана, отступая от опасно качнувшегося стеллажа. Романов осторожно водрузил книги-убийцы обратно на полку, и перевел на нее свой внимательный взгляд. — Спасибо.

Уголки его губ тронула едва заметная улыбка, словно тень облака скользнула по солнечному небу. Он жестом пропустил ее вперед, и Лана послушно вышла из узкого книжного коридора, обернувшись.

— Что ты здесь делаешь? — Вопрос слетел с губ раньше, чем девушка успела обдумать его.

Лекс пожал плечами, пряча руки в карманы своей легкой куртки.

— Иногда захожу. Чаше просто подышать этой особенной пылью историй. Но бывает и покупаю что-нибудь.

— Я люблю это место, — вырвалось у Ланы, как призна-

ние в тайной любви. Она и сама не понимала, зачем делится этим. Возможно, ей просто хотелось заполнить неловкую паузу, сказать что-то важное.

— Атмосферное, — согласился Романов, задумчиво обводя взглядом высокие стеллажи, уходящие под самый потолок. — Уютное, несмотря на постоянное оживление.

— Всегда мечтала оказаться здесь в полном одиночестве, — вздохнула Лана, тоже осматриваясь. — Сидеть вон за тем столиком, — она кивнула в сторону небольшой кофейни в глубине магазина, — пить кофе и погружаться в страницы какой-нибудь невероятной книги.

— Мне кажется, если прийти к самому открытию, можно занять любой столик, — заметил Лекс, оглядывая занятые столики. — Недолго, правда, получится наслаждаться тишиной.

— Ты будешь что-то покупать? — неожиданно спросила Лана, лишь бы разговор не закончился. Ей вдруг остро захотелось задержать его внимание, и она, кажется, преуспела: Романов обернулся и, немного подумав, снова пожал плечами. — Я не могу выбрать из этих пяти книг, — девушка указала на небольшую стопку детективов, оставленных на свободном крае полки. Лекс шагнул между стеллажей, взял в руки каждую книгу, внимательно изучая обложки и аннотации. — Я уже определилась с классикой, но вот думаю, что хочу еще.

— Нравятся детективы? — Романов продолжал рассмат-

ривать обложки, пролистывая и сами новинки.

— Люблю распутывать преступления в книгах, — отозвалась Лана со смущенной улыбкой, осознавая, как легко и непринужденно ей общаться с этим человеком. Несмотря на вторую встречу, казалось, что они знакомы целую вечность, словно каждую неделю встречались здесь и обсуждали прочитанное. — Ну, и, если честно, все еще надеюсь преуспеть в роли копа в “Мафии”.

Лекс улыбнулся чуть шире.

— Люблю эту роль, но, если не играю за мафию, меня обычно пытаются убить первым.

Лана мысленно осудила всех этих нехороших людей.

— Я бы хотела с тобой сыграть, это должно быть интересно.

— В любое время, — молодой человек дернул бровью и вернул внимание книгам, рассматривая их более внимательно. — Я бы попробовал вот эту, — Романов протянул ей увесистый том в темном переплете. — Аннотация словно шепчет тайны.

— Надеюсь, она без спойлеров?

— Не читай ее. Доверься мне. — В его взгляде читалась тихая уверенность.

Лана выдохнула. Только сейчас она осознала, что чувствовала себя робкой школьницей перед человеком, которого хотелось слушать бесконечно. Ей вдруг захотелось сократить между ними расстояние, ощутить тепло его тела, вдохнуть

его запах, чтобы убедиться — он реален, а не плод ее фантазий. Но пришлось мысленно щелкнуть себя по носу, чтобы вернуться с небес на землю. Они виделись второй раз, а она уже растеклась лужицей, как влюбленная фанатка. А они по-прежнему чужие друг другу люди из разных миров, у каждого из которых уже была своя жизнь.

Девушка чуть мотнула головой, отгоняя наваждение, которое слишком быстро брало над ней верх.

— Отлично, выбор сделан, — довольно улыбнулась Лана и внезапно легонько потянула Лекса за руку в сторону соседнего зала. Блокноты в кожаных переплетах, закладки с цитатами классиков, забавные сувениры — манили её не меньше самих книг. Лана любила эти маленькие радости, способные вызвать улыбку даже в самый хмурый день.

Незаметно для них обоих в книжном магазине пролетело больше часа. Они обсуждали новинки и классику, выбирали остроумные цитаты на закладках и даже умудрились затеять шуточный спор о лучшей книге Паланика.

— Ты когда-нибудь поднимался наверх? — тихо спросила Лана, когда они наконец оторвались от разглядывания сувениров. Романов вскинул голову, рассматривая деревянную лестницу, ведущую на второй этаж.

— Нет, не доводилось. Мне больше нравится зал с букинистикой, там своя особая магия.

Лана моргнула, понимая, что редко доходила до старых изданий, предпочитая новые книги и серии, которые она

коллекционировала. Хотя дома уже не хватало места для всех ее сокровищ. Да и дети не всегда бережно относились к ее книгам, считая их частью своих игрушек.

— Ого, это же та самая серия фантастики! — воскликнула девушка с детским восторгом, когда они оказались в нужном зале. — Я такие только у родителей на даче видела, они пахнут прошлым.

— Мой отец тоже любил эти книги, — Лекс взял один потрепанный том, аккуратно перелистывая пожелтевшие страницы. — Обожал все, что было связано с мечтами о далеких звездах.

— А сейчас? — Лана понизила голос, внезапно почувствовав неловкость.

— А сейчас, возможно, спорит о недостоверности деталей с самими авторами. Где-то там, за пределами этой библиотеки.

Лана прикусила язык, чувствуя укол вины, и поспешила отвлечься на другие полки, пока Романов задумчиво рассматривал следующий стеллаж.

— Идиотка, — прошептала она, закатывая глаза. Минута самобичевания за бестактный вопрос. Конечно, сложно догадаться, умер отец или разлюбил фантастику, но не стоило ей лезть, куда не следует.

Осторожно повернув голову, девушка всмотрелась в профиль Лекса. Он чуть хмурился, бережно перелистывая страницы старой книги. В его сосредоточенном лице было что-

то успокаивающее, спокойное. Лана с трудом отвела взгляд, понимая насколько неприлично ее пристальное внимание.

И снова ее настигла мысль, что их встреча здесь – не просто случайность, а какое-то волшебное совпадение. От Андрея ей хотелось бежать без оглядки, спрятаться за семью замками. А рядом с Романовым она чувствовала себя спокойно и уютно, словно рядом с давним другом.

Они обошли и этот зал, негромко обсуждая литературу прошлого века, ее бунтарский дух и неповторимый слог. Но Лане ближе были современные истории, созвучные ее собственным переживаниям. Ей не хотелось примерять на себя образы трагических героинь Достоевского. Чувствовалась в них какая-то обреченность.

— А я люблю его, — признался Лекс, пожимая плечами. — Мне нравится эта горечь безысходности. В ней есть своя особая красота.

— Может и есть, — осторожно согласилась Лана. — Но я предпочитаю истории с проблесками надежды, с хорошим финалом.

Когда собственная жизнь похожа на запутанный пресный роман, то хочется погрузиться во что-то более живое и эмоциональное.

Оплатив выбранные книги, — классику и детектив, — Лана спрятала их в сумку и первой вышла на улицу, с удовольствием вдохнула свежий, чуть влажный после дождя воздух. Внутри книжного дышать становилось немного тяжело. Ро-

манов вышел следом и бросил взгляд на часы.

— Может, кофе? Раф с ореховым сиропом, я помню.

Лана едва сдержала вздох восхищения. Мало того, что он казался сошедшим со страниц ее любимого романа, так еще и помнил такую мелочь, как ее любимый напиток. Но девушка мысленно одернула себя, не желая казаться глупой школьницей, которая запала на парня из старших классов.

— Согласна.

Он повел ее в сторону от шумного Невского проспекта, в тихий переулок, где располагалось уютное кафе с большими окнами. Свободный столик нашелся в углу, у самого окна, с видом на старый двор-колодец.

— Присаживайся.

Устроившись поудобнее на мягком диванчике, Лана машинально поправила волосы. Ей захотелось взглянуть на себя в зеркало, убедиться, что с внешним видом все в порядке, но она заставила себя не дергаться. В конце концов, если бы что-то было не так, Лекс бы, наверное, сказал.

Он сел напротив и взял меню из рук молоденькой официантки, которая бросила на него мимолетный кокетливый взгляд.

— Спасибо. Нам бы минут пять, чтобы определиться, — произнес Романов, не поднимая глаз. Девушка дежурно улыбнулась и скрылась за стойкой.

— Минус одна поклонница, — не удержалась Лана, на что Лекс лишь усмехнулся. — Я бы съела блинчиков со сладкой

начинкой.

Романов кивнул, продолжая изучать меню, а Лана украдкой наблюдала за ним. В голове зрела мысль спросить его о той ночи, о таинственном враге. Возможно, он что-то помнил или знал, что ускользнуло от ее внимания.

Наконец, они сделали заказ, и только сейчас Лекс вспомнил о телефоне. Его пальцы быстро скользили по экрану, набирая короткое сообщение. Лане внезапно захотелось узнать, кому и что он пишет. Рассказывает ли кому-то об их неожиданной встрече, или предупреждает кого-то, что задержится?

Удивительно, но ей хотелось знать обо всем, как проводит свободное время, что любит, что его по-настоящему цепляет. Работа работой, но наверняка была и менее серьезная сторона его жизни, когда он расслаблялся и веселился от души, оставляя где-то в стороне свою преподавательскую серьёзность.

Ее собственный мобильный издал короткий вибрирующий звук и девушка торопливо глянула на экран, улыбаясь. Отвечая на сообщение подруге, Лана внезапно поняла, что хочет поделиться с Лексом последними новостями.

— Меня нашел Андрей, — неожиданно произнесла Лана, когда им принесли ароматный кофе. Романов замер с чашкой в руке, поднимая на нее вопросительный взгляд. — Он приходил извиниться.

— В каком смысле – нашел?

— На детской площадке возле дома.

Лекс нахмурился сильнее.

— Мне тоже было не по себе, — поспешила добавить Лана. — Но он извинялся, сказал, что нашел себе девушку...

— Очень важная информация.

— И что его кто-то подослал ко мне.

Романов отставил чашку, выжидательно глядя на Лану. Кажется, она только что испортила ему аппетит, но теперь останавливаться было уже поздно.

— Он... он сказал, что кто-то намекнул, что день рождения Кэт — это место, где можно... развлечься. И направил ко мне.

— И кто же этот доброжелатель?

— Он не помнит.

Лекс нахмурился, откидываясь на спинку стула и скрещивая руки на груди.

— Как он нашел тебя?

— Ему подсказали, но он не признался — кто, — вздохнула девушка. — Но там было столько знакомых, что даже не знаю, кто мог назвать адрес...

— А также номер парадной, код домофона, этаж.

— Ой, ну зачем ты так! — Лана поежилась, пряча лицо в ладонях. Она мгновенно представила, как Андрей ночью оказывается у её двери. А ведь дома, кроме нее, никого не будет. Девушка рефлексивно сжала колени.

— Прости. Так почему он не помнит?

— Кто чего не помнит?

Лана резко вскинула голову на знакомый голос и увидела Карину Богданову, ту самую, которую хотела привести на книжные встречи и познакомить с остальными девочками. И которая только что написала сообщение, желая узнать, где именно находилась Лана.

— Как же я рада тебя видеть! — Она поднялась и крепко обняла подругу.

— И я тебя! — Карина, демонстративно покашляла, словно Лана ее пыталась задушить, и присела рядом, бросая быстрый взгляд на молодого человека. — Привет, Лекс.

— Вы знакомы?

— Мафия объединяет самых разных людей, — усмехнулся Романов. — Привет, богиня хаоса. — В его голосе прозвучало знакомое веселье.

Богданова криво улыбнулась в ответ, явно не испытывая восторга от его общества.

— Мы с Кариной тоже познакомились на игре, — объяснила Лана, улыбаясь и жестом подзывая официанта, чтобы подруга могла сделать заказ.

— О, хочу раф с лавандовым сиропом! Большой!

— Сейчас принесу.

Романов едва заметно покачал головой, явно не разделяя странных вкусовых предпочтений девушек.

— Так кто и что не помнит?

— Я рассказала Лексу про Андрея, — пояснила Лана. Ка-

рина была единственной, кому девушка практически сразу позвонила и обо всем рассказала. Она знала, что та не будет ни осуждать, ни ругать за беспечность.

Богданова нахмурилась, но появление кофе мгновенно смягчило её выражение лица.

— И что он не помнит, кто надоумил его подойти ко мне.

— Врёт как дышит, — фыркнула Карина, делая большой глоток ароматного напитка. Было видно, что она хотела использовать в начале другое слово, более грубое, но почему-то сдержалась. Возможно, постеснялась Романова, а может не хотела привлекать внимание других посетителей.

— Соглашусь. — Лекс задумчиво сделал глоток кофе. — Надо как-то попытаться выяснить, кто мог так поступить.

— Предлагаешь обойти всех гостей, которые там были? Представляю эти лица совершенно незнакомых людей, когда мы окажемся у них на пороге, — подруга сделала еще глоток и откинулась на спинку стула.

— Кстати, как ты здесь оказалась? — Лана уже второй раз задавала сегодня этот вопрос, удивляясь приятным встречам.

— Вообще, изначально я хотела заглянуть к тебе домой, но домофон молчал, я сперва подумала, что вы уехали к маме, как обычно в июне, — охотно пояснила Карина, на что Лана закатила глаза. — Да-да, я в курсе, что ты с ней поругалась. Но мало ли! — Подруга сделала еще один небольшой глоток и облизала губы. — Приехала в центр, прошлась по

Советской, а потом черт дернул написать тебе. А то вдруг тебя спасать надо, — Богданова скептически посмотрела на Лекса, будто бы подозревая его в чем-то нехорошем. Молодой человек лишь усмехнулся и отвернулся к стене.

— Так что... Наверное стоит привлечь саму Кэт? У нее же есть список гостей, — задумчиво протянула Лана, но запнулась. — Нам бы ее выловить сперва...

— О, ловить Кэт — это мое коронное блюдо! — раздался бодрый голос, и рядом с Романовым на свободный стул бесцеремонно рухнул высокий кудрявый парень, озорно подмигнув Богдановой.

Лана закусила губу, ощущая себя случайной прохожей на перекрестке чужих судеб. Ее подруга Карина, словно яркая комета, внезапно возникла на орбите Лекса, человека, которого Лана так долго искала в туманных далях социальных сетей, будто человек из совершенно другой жизни. И не просто возникла, а, казалось, вращалась вокруг него уже давно. А ведь, если задуматься, Лана могла бы найти пути к нему гораздо раньше, если бы задала правильные вопросы нужным людям...

Сколько невидимых нитей связывали этих людей, сколько тайн скрывалось за фасадами их жизней, словно в старинных петербургских дворах-колодцах? Лана чувствовала себя Алисой, заглянувшей в кроличью нору, где привычные законы мироздания переставали действовать.

Где-то там, за пределами ее уютной, но такой предсказуемой квартиры, пульсировала иная жизнь, полная спонтанных встреч и острых ощущений. А она будто всё ещё стояла на берегу, не решаясь шагнуть дальше. И ведь все чаще ей хотелось вырваться из уютной стабильности, чтобы пуститься во все тяжкие, пусть и без драм в духе Достоевского, но прокладывая свою собственную дорогу навстречу приключениям.

— Ты хорошо знаешь Кэт? — робко спросила Лана у но-

воприбывшего, словно пытаясь нащупать тонкую нить, ведущую к разгадке. Тот кивнул, отпивая остатки айриша из кружки Лекса и поморщившись так, будто попробовал лекарство вместо кофе.

— О, у нас с Кэт... особые отношения. Как два моста через Неву – вроде соединяют берега, но иногда кажется, что вот-вот разведутся, — отозвался он с усмешкой, в которой сквозила ирония и нежность. — Кстати, я — Мэд.

— Мэд? — Лана переспросила, не сразу уловив странное имя. Ее немного сбивал с мысли его напор.

— Да, он скрывается под этим псевдонимом, чтобы мы не узнали, что его сердце – как коммунальная квартира, где прописано три жены и семеро детей, — фыркнула Карина, бросив на Мэда мрачный взгляд. — И нет, я совершенно не ревную!

— Позавчера твои губы шептали мне совсем другие истории, — промурлыкал Мэд, словно кот, довольно жмурясь на солнце.

Лана удивленно перевела взгляд на Богданову, чьи щеки вспыхнули румянцем, словно закатное небо над Петербургом. Подруга поспешила спрятаться за меню, что-то неразборчиво ворча себе под нос.

— Перестань, — одернул друга Лекс, медленно вращая кружку в руках. — Если есть шанс привлечь Кэт к этому делу, это будет здорово. Если она сохранила список.

— Зная Кэт, кто-то мог привести с собой целую свиту слу-

чайных знакомых. Ее вечеринки — это как Дворцовая площадь в праздничный день, открыты для всех, — пожалала плечами Карина.

— Ты хотела сказать, в тайском стиле: «заходите, кто хотите»?

Девушка одарила его выразительным взглядом недовольного кота, которого обошли стороной и не накормили.

— Но мы сможем отсечь большую часть этого хаоса, разделить зерна от плевел, — резонно заметил Романов, игнорируя перебранку друзей.

Лана чувствовала себя немного потерянной в этом вихре знакомств и планов. Ей было приятно это внезапное участие знакомых и не очень людей в ее жизни, будто она случайно оказалась среди тех, которым действительно не всё равно. Но в то же время ее мучило неловкое чувство, что она отнимает у них время.

— Блондиночка, ты еще с нами? — Мэд щёлкнул пальцами перед её лицом и тут же получил шуточный шлепок по руке от Богдановой.

— Я тебе сейчас так щелкну, что искры из глаз посыпятся!

— При всех? Может, хотя бы отойдем в укромный уголок Летнего сада для выяснения наших нежных чувств? — промурлыкал Мэд с соблазнительной улыбкой.

Лана невольно улыбнулась, чувствуя, как между этими двумя пробегает электрический ток, словно кто-то натянул между ними оголённый провод.

— Ребята... — тихо произнесла она, робко переводя взгляд с одного на другого. — Я не хочу обременять вас своими проблемами. Все таки это мои личные кошмары, и я могу попытаться сама разобраться во всем.

— Вчетвером будет проще пролить свет на тайну неизвестного недоброжелателя, — резонно заметил Романов. — Представим, что играем в “Мафию”, но в масштабах целого города.

— Да, там были такие персонажи, что в одиночку лучше держаться от них подальше, — согласился Мэд. — А некоторые дамы так вообще видят в Лексе путеводную звезду, мечтают о личном randevu на крыше с видом на Исаакиевский собор... В любом случае, нам нужен список, а дальше — как пойдет.

Лана удивленно похлопала глазами, не совсем понимая, к чему все это было сказано. Во-первых, девушка внезапно осознала, что новый знакомый рассуждает так, будто бы тоже посещал вечеринки Кэт. Но это логично, если он хорошо ее знает. Во-вторых, зачем он упомянул дам и крышу? Был ли и это намек на то, что Лекс — весьма любвеобильный?

Сам Романов едва заметно закатил глаза, будто давно привык к подобным шуткам. Возможно, в словах Мэда была доля правды.

— Тогда предлагаю начать это маленькое расследование сегодня, чтобы не дать твоим кошмарам вырасти до размера слона, — энергично заявила Карина. — И так уже упущено

много времени.

— Согласен с этой северной Венерой, — Мэд улыбнулся, наблюдая, как “Венера” едва не подавилась своим рафом, и толкнул Лекса локтем. — Тогда я попробую выудить у Кэт список гостей. А ты создай нам чат, чтобы держать связь, как петербургские мосты, соединяющие берега.

С этими загадочными словами Мэд поднялся и ушел, уже на выходе набирая чей-то номер, будто вызывая подкрепление.

Откровенно говоря, Лана бы не удивилась появлению бундуков на плечах парня.

— Что ж, — Богданова вздохнула с театральным видом. — Похоже, моя мечта о собственном детективном агентстве, этакое “Тайны петербургских ночей”, начинает обретать реальные очертания.

Лана и Лекс снова остались вдвоем, словно одинокие фонари на пустынной набережной. Они неспешно шли по улице, каждый погруженный в свои мысли. Карина умчалась по срочному звонку, пообещав написать ближе к вечеру.

Но что-то хорошее все же произошло: между ними протянулась невидимая нить — они обменялись номерами телефонов. И хотя Лана не могла до конца осознать, зачем ей это нужно, в душе разлилось теплое чувство надежды. Сама возможность этой связи грела сердце, как огонёк в окне хо-

лодным вечером.

— Не совсем так я представляла себе свой выходной, — наконец с нервным смешком произнесла Лана, словно признаваясь в несбывшихся ожиданиях. Она и правда не думала, что этот день обернется таким неожиданным калейдоскопом событий.

— Когда шел купить новый детектив, а в итоге сам оказался в центре запутанной истории, — с улыбкой заметил Романов и бросил взгляд на часы. — К сожалению, мне пора на работу.

— Сейчас? — вырвалось у Ланы, словно она внезапно очнулась от сна.

— Да, вторая смена, вечерние лекции, — Лекс пожал плечами. — Пару лет назад наш деканат, видимо, решил, что студенты – это белые ночи, которые никогда не спят, и составил расписание, достойное отдельной поэмы абсурда. Пары шли каждые два часа.

— Ого! Как такое возможно?

— Оно было творением юной и, видимо, очень креативной сотрудницы. Сначала мы недоумевали, но спустя пару недель студенты подняли бунт, и мы, преподаватели, присоединились к этому восстанию против временных рамок, — Романов остановился на углу и разблокировал телефон, словно пытаясь поймать ускользающую мысль. — Не очень здорово, когда после работы надо на Васильевский, а там уже только вплавь добираться.

Лана невольно прыснула от смеха, живо представив себе эту абсурдную картину. Конечно, не все мосты разводились ночью, но альтернативные маршруты были не самыми удобными. Именно поэтому местные жители и возвращались домой пораньше, или же всегда имели запасной вариант.

— Спасибо тебе за очередное спасение и эту неожиданную помощь, — Лана грустно улыбнулась, понимая, что реальность снова медленно забирает его обратно. — Была рада увидеться.

— И я, — мягко отозвался Лекс и спрятал телефон в карман. — Будь осторожна, не притягивай больше падающие книжные шкафы.

Девушка наигранно тяжело вздохнула.

Кажется, притягивать неприятности становилось ее персональной приметой. Но разве у этой особенности только что не появились свои плюсы?

— Постараюсь не ввязываться в книжные войны.

— Спишемся позже, — Романов неожиданно взял ее руку и едва коснулся губами тыльной стороны ладони. Затем подмигнул ей и сел в подъехавшее такси, растворяясь в городском потоке.

Лана зачарованно проводила взглядом удаляющуюся машину, будто провожала белую ночь. Этот человек появлялся в ее жизни так внезапно и так же стремительно исчезал, оставляя после себя странное, сладкое волнение. Стыдно было признаваться, но отпустить его совсем не хотелось.

— Ладно, — вздохнула девушка. — По крайней мере, мы снова встретимся. Эта история еще не дописана.

Мимо проходящая женщина удивленно обернулась, не обнаружив рядом с Ланой ни наушников, ни собеседника. Неужели в этом городе, где каждый второй разговаривает сам с собой, еще кто-то чему-то удивлялся?

Лана провела пальцами по волосам, поправляя растрепавшуюся прическу, и направилась в сторону метро, чтобы спуститься в подземный мир Петербурга. Можно было бы вызвать такси и с комфортом добраться до дома, но ей хотелось ещё немного побыть одной среди города.

Она остановилась и огляделась, пытаясь сориентироваться в хитросплетении петербургских улиц. Они расстались недалеко от улицы Некрасова, а дальше ноги сами привели ее к ближайшей станции метро.

В вагоне было многолюдно, как на Невском в выходной день. Двое мужчин, сидевших напротив, бесцеремонно разглядывали ее, как экспонат в Эрмитаже, перешептываясь и обмениваясь сальными взглядами. Лана таких видела часто: они редко решались на открытую агрессию, но их глаза красноречиво говорили о самых пошлых фантазиях.

Однажды она даже познакомилась с таким мужчиной — в антикварном магазине, где подрабатывала её подруга. Он спокойно рассказывал о своих фантазиях о случайных связях с незнакомками в общественных местах, будто говорил о погоде. Лана тогда ушла раньше, чем разговор зашёл слиш-

ком далеко. А ведь наверняка были женщины, готовые на подобные авантюры. Лана вздохнула с облегчением, что больше не встречала того странного незнакомца.

В кармане завибрировал телефон, и девушка на мгновение затаила дыхание. Успела за эти полдня отвыкнуть от технологий. Бросив взгляд на экран, она не без улыбки заметила сообщения в новом чате: Карина уже успела накидать стикеров, а значит намечалось что-то веселое. Однако, улыбка мгновенно исчезла, когда на экране высветилось имя Олега.

— Светлячок, ты где? — Олег явно был в отличном настроении, а это значило, что он либо выспался, либо отдал детей родителям на весь день и хорошенько оторвался. Его голос, возвращающий с небес на землю, неприятно царапал слух. Думать о ком-то или чем-то другом уже было неловко.

Не ответить она не могла, хотя и хотелось на время отключиться от этого мира, спрятаться в тишине.

— Пока еще гуляю, в течение часа буду дома уже, — вздохнула девушка, желая подольше насладиться свежим воздухом перед возвращением в душную квартиру. — А что?

— Да по работе позвонили, надо будет подъехать, посмотреть кое-что. А ключи я оставил у родителей.

— Я постараюсь побыстрее.

— Ага, давай не как в прошлый раз, когда мне пришлось полчаса торчать у дверей, — отозвался муж, и хоть голос его звучал ровно, это спокойствие было обманчивым.

— Никто не просил тебя приезжать раньше, — огрызнулась Лана, пытаясь не раздражаться и не портить себе настроение. — Как дети?

— В порядке, с ними мама, а я вот в город выехал. Короче, как приедешь, так я и подъеду.

— Окей, — ответила девушка, после чего отбила звонок, не спеша отходить от метро. Она вышла не на своей станции, желая прогуляться пешком, но стоило ли рисковать и заставлять Олега ждать?

Несомненно.

Раз он находился где-то, откуда мог подъехать по ее возвращению домой, значит можно было позволить себе небольшую прогулку по незнакомым улицам.

— Если Андрей не врет, — прошептала Лана одними губами, — то кто-то направил его ко мне. Какая-то девушка. Но и это не точно. Хм...

В ответ порыв ветра взметнул вверх одинокую газету, закружил её в вечернем танце, ловко подбрасывая. Лана даже не обратила на это внимания.

Хотелось верить, что все это – чудовищное недоразумение, что её просто с кем-то перепутали. Но какое-то смутное предчувствие подсказывало, что корни этой истории уходят глубже.

— Кому я успела так насолить? Кому перешла дорогу?

Не желая более думать о дурном, Лана надела наушники, включила любимый плейлист и неспешным шагом на-

правилась в неизвестном направлении. Растворяясь в вечернем шуме улиц. И ноги сами привели её к дому. Обычно приходилось ехать с пересадками, но сегодня маршрут словно сложился сам собой.

— Ой, Светочка, — навстречу шагнула бабушка из соседнего дома, будто материализовавшись из петербургского тумана. Они жили на одном этаже, их балконы почти соприкасались, словно два соседних мира. — А я только сегодня о тебе думала! Детки твои как выросли-то... Вчера вечером встретила их, такие славные!

— Да, спасибо, — вежливо улыбнулась Лана, стараясь скрыть раздражение. Она терпеть не могла эти бесконечные разговоры о детях, словно каждый встречный считал своим долгом заглянуть в ее личную жизнь, как в открытую книгу. Иной раз ей хотелось спрятать своих чад подальше от любопытных глаз, чтобы и не смотрели, и не обсуждали их.

— А у вас скоро годовщина же, да? Я слышала, как Олежка какой-то праздник планировал...

Лана мысленно закатила глаза, будто пытаясь сдержать стон. Больше всего на свете она не любила эти дешевые сюрпризы с незваными гостями и внезапно накрытым столом, как из рукава фокусника. Почему-то муж считал, что она каждый раз в восторге от этого хаоса. Сам повеселится и уснет, а ей потом разгребать последствия этого "праздника жизни". Необходимо было срочно провести разъяснительную беседу с подругами насчет празднования. Но сперва

нужно было аккуратно выяснить, с кем он задумал неладное.

— Да, он любит все организовывать, — уклончиво ответила Лана, как дипломат, уходящий от неудобного вопроса.

— Опять я лишнего болтаю, — расстроилась пожилая женщина. — Только ты ему и сестре его не говори, что я тебе рассказала.

Лана не успела ничего ответить, удивленно провожая взглядом спешащую соседку.

Этот день продолжал подбрасывать все новые и новые загадки.

У мужа внезапно появилась сестра.

Вернувшись домой, Лана со вздохом достала телефон и написала Олегу сообщение. Несмотря на все романтические фантазии относительно Лекса и недозволенные мысли, ее все же огорчал тот факт, что они с мужем отдалились друг от друга. Хотя он и бывал временами невыносим и частенько в последнее время говорил словами ее матери, Лана не могла вырвать из сердца совместно прожитые годы. В глубине души она надеялась на чудо, но с каждым днем, с каждой резкой или даже обидной фразой, с каждым взглядом в её сторону, девушка все больше и больше отдалялась, отступала. Мать не раз говорила, что женщина создана для семьи, она должна любить своего мужа, невзирая на его характер и поведение. Должна родить детей, воспитывать их, вести хозяйство, быть хорошей мамой и женой, а не ходить по кафе и гостям. Она повторяла это все ее детство, юность, и до сих пор твердит. И первое время Лана даже слушала ее наставления, верила, что способна быть идеальной супругой и матерью, что готова посвятить себя семье. Тогда ей казалось, что взрослые действительно знают, как правильно жить.

И каждый по-своему понимал эти слова. Но суть не менялась.

Лана скинула обувь и босиком прошла на кухню, где поставила чайник и открыла окно, после чего направилась в

спальню, чтобы переодеться.

Лана понимала, что многим её жизнь показалась бы почти идеальной. Но она любила немного поныть. Ей казалось невыносимой жизнь в четырех стенах, без приключений и любви. Поэтому она и вырывалась на свободу каждый раз. Муж с детьми за дверь, а она — гулять. Она, конечно же, понимала, что Олег много работал, чтобы содержать семью, но ей все равно хотелось чуть больше внимания и ласки, хотелось капельки сумасбродства от их отношений, а не рутины и дежурных поцелуев.

Возможно поэтому Лана и дала волю воображению, когда на горизонте появился Лекс? Она очень ловко создала себе образ героя, наделила его положительными качествами и томно вздыхала. Правда дальше фантазии дело не шло и она сомневалась, что когда-либо решится на подобное.

Все-таки воспитание не позволяло.

Это пресловутое: “А что же скажут люди?”

Оно пугало гораздо больше, чем сам факт возможной измены.

Мысленно девушка представляла себе все это, пыталась понять собственные ощущения.

Лана вздохнула. Она видела Романова всего дважды, а думала о нем — слишком много. Стоило все же немного сбавить обороты в своих фантазиях и вернуться в реальный мир с более насущными проблемами.

Бросив мимолетный взгляд на разбросанные повсюду иг-

рушки, Серебрякова вернулась на кухню, где тихий шепот закипающего чайника нарушил тишину квартиры.

С кем Олег мог советоваться об их годовщине? Чей голос нашептывал ему идеи сюрпризов? Скорее всего, это была Мари́, ее неутомимая подруга, вечная заводила и страстная любительница тайных сговоров.

Но ведь они оба прекрасно знали о ее нелюбви к сюрпризам. Неужели взялись за старое? И подруга точно знала, как непросто Лане сейчас с мужем. Решила искупить вину попыткой познакомить ее с кем-то на вечеринке и в итоге поиграть в семейного психолога, чтобы наладить их отношения?

Если это будет очередная вечеринка в стиле нафталиновой ретро-эпохи, с родственниками, облаченными в нелепые наряды, то Лана готова была бежать на край света, хоть до ледяной Антарктиды, лишь бы не лицезреть этот парад самодетельности. Вечное стремление ее близких казаться гениальными артистами порой напоминало плохо поставленный любительский спектакль.

Лана тихо фыркнула и налила себе чашку ароматного кофе, пытаясь укрыться в его тепле от нахлынувших мыслей. Почему-то все вокруг считали, что лучше нее знают, что необходимо, что надо делать. Никто не спрашивал ее мнения, не интересовался, хотела она праздновать годовщину или нет?

Она бы с большим удовольствием провела этот день вдвоем с мужем, прогулялась бы вдоль прохладной Невы, полю-

бывалась бы в миллионный раз разводными мостами, потянула бы его в парк, где обнявшись под пледом, они бы просидели всю ночь, вспоминая юность. Но вместо этого Олег опять решил все за двоих: праздник, сюрприз, вовлеченная во все это подруга. Хотя Лана не раз говорила ему, что предпочитает отмечать такие даты вдвоем. Даже в начале года, когда речь зашла о годовщине, девушка озвучила ему свои мысли. Олег тогда покивал, согласился с ней, но, как итог, решил объединиться с ее подругой.

Лана переборола желание написать им, чтобы испортить гениальный план. Но это ведь так по-детски и глупо, скорее всего они оба стараются и всю работу над деталями, придумывая что-то оригинальное. Муж обожал делать некоторые вещи напоказ. Если праздник — то нереально дорогой, чтобы все видели, как хорошо они живут.

Вздыхнув, девушка сделала глоток кофе и прикрыла глаза.

Ей до сих пор казалось невероятным, почти мистическим, что она совершенно случайно встретила Лекса в лабиринте книжных полок "Подписных изданий". Будто судьба снова столкнула их среди книжных полок. На мгновение ей захотелось заглянуть в гороскоп, поискать знаки этой встречи среди звезд. Но в последний момент она резко себя одернула, словно очнулась от наваждения белой ночи.

Во-первых, это всего лишь случайность. Он помог ей тогда, помог сегодня, и на этом все должно закончиться. Ведь Романов держался на расстоянии, не позволяя себе никаких

лишних движений. Может быть, его сдерживал пристальный, недовольный взгляд Карины, похожий на взгляд мрачного кота, охраняющего свою территорию. А может быть, молодой человек и сам не стремился к сближению.

А, во-вторых, она даже не знала его знака зодиака.

Появление подруги и Мэда вовсе можно было списать на шалости судьбы. Лана прислонилась виском к оконной раме, размышляя обо всем сразу. Но больше всего — о Лексе.

Зачем ему такая проблемная знакомая? Зачем нужен вечный источник неприятностей, который только и умеет, что влипать в непонятные ситуации и норовит пострадать даже от падающих книг?

Лана сделала еще глоток обжигающего кофе и потянулась к книге, как к спасательному кругу. Пока муж был в пути, можно было попытаться утихомирить внутреннюю бурю, хотя бы на несколько страниц.

Но если ей и удавалось на время отвлечься от мыслей о Романове, то другой вопрос неотступно будоражил сознание.

Кто же эта загадочная женщина, чей злой шепот направил Андрея к ней?

В ее окружении было множество лиц, как отражения в кривых зеркалах петербургских переулков: подруги, знакомые по книжному клубу, попутчицы загородных поездок, азартные участницы квестов. За столько лет круг общения сплелся в сложный узор, разнообразный и порой неожиданный. И Лана редко вступала в конфликты, предпочитала об-

ходить острые углы. Ей это было не нужно, неинтересно.

Девушку нельзя было назвать скандалисткой или любительницей ссор. Хотя некоторым не нравилось, что она частенько оставалась в стороне. Даже Мари не раз ей выговаривала: нельзя все время сидеть в кустах, иногда надо показывать зубки.

Лана могла. Она умела, это правда. Просто предпочитала не рычать на друзей и близких, а среди незнакомых не хотелось показывать себя со странной стороны.

«Ты веришь Андрею?»

Лана едва не захлебнулась горячим кофе, когда на экране телефона вспыхнуло неожиданное сообщение от Лекса. Она никак не ожидала, что он напишет первым, да еще и так быстро, словно прочитал ее мысли, блуждающие по темным закоулкам сознания. То, что это был именно он, она поняла по одному лишь предложению, даже не взглянув на имя контакта. И оказалась права.

«После твоего вопроса я засомневалась...»

«Просто вся эта ситуация кажется мне странной».

«Сложно с этим спорить...»

Лана с удивлением разглядывала светящийся экран телефона. Даже в сообщениях Лекса чувствовалась какая-то ак-

куратность. Никаких сокращений, небрежных слов или случайных смайликов.

Впрочем, о чем она думала?

Он написал ей. Сам. Так быстро.

«Если получится, поговори с ним снова. Но осторожно».
«Попробую».

Несмотря на то, что иной раз Лана с головой погружалась в водоворот страстей любовных романов, ощущать себя внутри настоящего детектива, разворачивающегося на улицах ее жизни, оказалось гораздо острее и волнующе. Когда жизнь грозила превратиться в серую рутину, это неожиданное приключение стало долгожданным всплеском

Она даже не слышала, как в дверь позвонили, а затем забарабанили. Лишь когда в руке завибрировал телефон, а на экране высветилось имя мужа, девушка пришла в себя и поспешила ему навстречу.

— Уснула что ли? — Олег прошел в квартиру мимо нее. Лана предпочла ничего не отвечать, чтобы не провоцировать мужа. Его хорошее настроение испарилось, а значит можно было ожидать и скандала.

Тем временем Олег обошел квартиру, бросая пристальные взгляды в каждый угол, подхватил какие-то документы, на ходу небрежно запихивая их в папку, и остановился возле двери.

— Я по делам, оттуда к родителям. В воскресенье вечером вернемся, — произнес он и потянулся к ее губам. — У меня есть минут двадцать свободного времени.

Лана невольно оцепенела, но быстро стряхнула с себя неприятное состояние.

— Я устала, — отозвалась она и послушно поцеловала его, больше дежурно, нежели желанно.

— Как хочешь, — Олег пожал плечами и поспешно вышел, негромко хлопнув дверью, которую она плотно закрыла, запираясь на все замки. С одной стороны, она любила одиночество, наслаждаясь каждым мгновением тишины. Но с другой — особенно после случившегося, — ей было боязно спать в пустой квартире.

Вдруг Андрей и правда мог знать более точный адрес? Что мешало ему прийти к ней посреди ночи и завершить начатое? Если верить разговорам, что он работал в полиции, звонок туда мог и не помочь. Хотя, Лана все же верила, что защитит ее смогут.

Лана зябко повела плечами и бросила на дверь подозрительный взгляд. На всякий случай подергала ручку еще раз, и лишь после этого вернулась на кухню, на свой островок спокойствия. Здесь она проводила бессонные ночи, когда удавалось посмотреть одну или две серии, или почитать книгу, или выпить бокал вина тайком от всех.

Устроившись на стуле, девушка провела пальцем по экрану мобильного телефона и еще раз перечитала сообщения от

Лекса. Господин Внезапность. И в жизни появлялся неожиданно, и даже онлайн.

Она даже подумать не могла, что он напишет так быстро. Время на часах было не позднее, возможно он еще на работе. Но разве это что-то значило? Бежать к нему она не собиралась, приглашать к себе — тоже. Во-первых, это было совершенно недопустимо. Во-вторых, чрезмерно любопытные соседи могли задаться вполне логичным вопросом: что за мужчина пришел в отсутствие законного мужа?

«Рин, он написал мне...»

«Кто? Где?»

Карина практически всегда отвечала мгновенно. Несмотря на то, что она работала с утра до вечера и успевала даже получать второе высшее образование, девушка никогда не игнорировала сообщения от подруги.

«Лекс. Написал только что. Спросил, верю ли я Андрею и предложил еще раз поговорить с ним».

«Это ж так разумно и безопасно! Не забудь мини-юбку надеть, чтоб разговор вышел более продуктивным!»

Несмотря на всю серьезность ситуации, Лана хихикнула. Она отчетливо представила себе негодование подруги, которая наверняка сейчас кипела от возмущения не хуже любого чайника.

«Ладно. Так что там с Лексом у тебя?»

«Это он врезал Андрею же».

«Ого... А я-то думала, что какой-нибудь супергерой в черном трико...»

Девушки обменялись хохочущими стикерами, и Лана выдохнула. Ей даже стало полегче. В своем рассказе подруге, Лана как-то упустила имена, не думая, что они важны. Тем более, что Карина все равно редко их запоминала, даже если человек был ей хорошо знаком. Иногда она использовала это, как психологическую атаку, демонстративно щелкая пальцами и пытаясь вспомнить имя.

Лана задумчиво покрутила в пальцах телефон.

Осталось понять, как найти Андрея. В отличие от него, среди её знакомых никто не знал, кто такой этот Андрей. Да и, откровенно говоря, искать его не очень-то и хотелось... Лана тоскливо посмотрела на телефон, а потом перешла в переписку с Лексом и вздохнула, набираясь смелости.

«Я не уверена, что хочу искать его. Даже для разговора».

«Тебе страшно?»

«Кажется, да...»

«Тогда забудь. Если не объявится сам, найдем другой способ».

Лана тихонько выдохнула, закусывая губу, и перечитала короткие сообщения ещё раз.

Удивительно, насколько спокойно ей становилось рядом с человеком, которого она знала всего ничего. Она честно призналась Лексу в собственных страхах, и он воспринял это спокойно. Не переступать же через себя ради нескольких туманных ответов. Тем более, если бы Андрей действительно хотел помочь, рассказал бы всё сразу.

«Рин... Кажется у меня проблемы...»

«Божечки, что еще?»

«Мне кажется, я начинаю влюбляться...»

Переписки с Лексом по ночам стали для Ланы тайным ритуалом, маленькой кражей времени у сонного города. Разговоры затягивались далеко за полночь. Они обменивались фотографиями любимого города: Романов присылал тихие дворики Васильевского острова, а Лана — вечернюю Неву и огни мостов. Между ними рождалась не только интеллектуальная симпатия, но и какая-то зыбкая, волнующая эмоциональная связь. Общение с ним неожиданно стало важной частью её вечеров.

За эти две недели они успели трижды встретиться: Лана с удовольствием встречалась с Полиной, которая жила на Василеостровском, и там же, судя по всему, часто бывал и Лекс. Первый раз они снова столкнулись случайно, и едва не раскрыли свой общий секрет: он только что посадил в такси жену, а сам направился в сторону кофейни. А Лана уже стояла там, раздумывая, какой напиток взять на этот раз. Они поболтали недолго, хотя хотелось остаться, застыть во времени и слушать его чуть дольше, ни о чем не думая. Но Полина ждать не любила, поэтому встреча вышла короткой.

Две другие встречи Лана уже подстроила сама: заранее написала Романову, что будет в том районе и нарочно приехала заранее. В итоге, им удалось недолго посидеть в сквере, обсудить книги, поговорить о городе и любимых местах. Пол-

часа рядом с ним — и Лане уже казалось, будто они встречаются так каждую неделю.

К концу второй недели, Лана сидела дома воскресным вечером, с грустью просматривая чаты и каналы, надеясь наткнуться на что-нибудь интересное. Сидеть в четырех стенах было откровенно скучно.

Муж еще в прошлую пятницу увез детей к ее матери, которая всю неделю названивала и требовала внуков. Этим утром снова завибрировал телефон и мать без приветствия спросила, когда сама Лана собиралась приехать.

Никогда, хотелось ответить девушке, но только устало пообещала разобраться с делами.

— Какие у тебя могут быть дела? Ты даже не работаешь!
— Мать, как и всегда, надала на больное.

— Друзья, книжные встречи, — лениво отвечала Лана. Она не стала упоминать, что время от времени просматривала вакансии. В конце концов, сыну уже исполнилось три года, не сидеть же вечно дома с детьми. Не хотелось полностью зависеть от мужа.

— Эти твои глупости, — фыркнула мать, и сбросила звонок. Но девушка даже не обиделась. Олег уехал к своим родителям помогать делать небольшой ремонт, поэтому Лана наслаждалась редкой тишиной. Но все же ей хотелось немного порезвиться: сходить потанцевать, или вытащить подруг в бар, а потом бродить по ночному Петербургу до самого утра.

Но везде было тихо. Очевидно, все отдыхали перед новой

рабочей неделей.

Отчаявшись, Лана отправилась набирать себе ванну. Раз дома никого, то можно было спокойно понежиться в горячей воде. Она даже не чувствовала вины за эту маленькую ложь: пока никаких встреч на неделе не планировалось, но разве это важно? Девушке хотелось посвятить время себе: бродить по городу, сидеть в кафе с книгой, фотографировать старые улицы и снова ходить на экскурсии. Последнее она обожала: сидишь в автобусе, тебя катают по любимому городу, а ты слушаешь истории и невольно улыбаешься вместе с туристами.

Раздевшись, Лана уже одной ногой была в ванне, когда телефон вспыхнул новым сообщением. А ведь она только-только хотела отложить его подальше.

Читая послание, девушка закусила губу.

Совершенно неожиданно Лекс предложил встретиться.

*«Может, выпьем завтра кофе где-нибудь не в центре?
Есть одно тихое место на Ваське».*

Сердце предательски дрогнуло от неожиданности. Она слишком часто представляла эту встречу, чтобы сейчас реагировать спокойно. До этого они сталкивались почти случайно, и впервые Лана поймала себя на мысли, что это похоже на настоящее свидание.

Девушка ответила почти сразу:

«Звучит заманчиво».

Остальное они обсудили быстро, и у Ланы дрожали пальцы, пока она печатала ответ. Они условились встретиться после обеда, когда жара уже спадет.

Отложив наконец телефон, Лана опустилась в ванну, снова пуская горячую воду и прикрывая глаза. Где-то глубоко внутри она понимала, что зашла слишком далеко, но, кажется, оно того стоило.

Утро понедельника Лана встретила одна: Олег так и не приехал домой, коротко написав, что поедет на работу прямо с дачи. С одной стороны, девушка расстроилась, что муж снова предпочел провести выходные вдали от нее, но с другой — обрадовалась. Значит, не надо врать и прикрываться встречей с кем-то другим. Тем более, что она шла всего лишь выпить кофе пусть даже со слишком привлекательным знакомым.

Стоя перед зеркалом, Лана старалась не переусердствовать с макияжем, иначе Лекс рисковал увидеть кинговского Пеннивайза, а не миловидную блондинку.

Собираясь на встречу, она чувствовала легкое, почти девичье возбуждение. Несколько раз пересмотрела свой наряд, как будто выбирая платье для первого свидания, хотя упор-

но делала вид, что это не свидание. Но зеркало предательски отражало блеск в глазах и едва заметную улыбку.

Кого она пыталась обмануть? Себя? Его?

Даже если эта встреча и считалась дружеской, то только формально. Лана уже не могла делать вид, что относится к этим встречам спокойно. Иначе откуда всё это волнение?

Собравшись, девушка проверила карманы на наличие телефона и карточки, взяла запасные ключи и поспешила покинуть квартиру. Обычно, когда она уходила, а дети это видели, то начиналась самая настоящая истерика с требованием взять их с собой. Обычно, конечно же, Лана не сопротивлялась. Даже в магазин веселее ходить вместе.

К счастью, сейчас малыши наслаждались свежим воздухом и изводили любимую бабушку воплями и топотом. Лана представила ситуацию, в которой дети остались с ней и увязались бы следом.

Вряд ли он бы оценил наличие двух очень шумных и болтливых свидетелей.

Лана глубоко вдохнула прохладный петербургский воздух с запахом мокрой листвы, и по телу пробежало приятное напряжение. Руки предательски дрогнули, и пришлось даже спрятать их в глубокие карманы алого пальто, чтобы никто ничего не заметил.

Лана хотела вызвать такси к дому, но, поразмыслив, решила немного пройтись пешком. Времени было предостаточно, а она не хотела приезжать слишком рано, чтобы Романов не

подумал, будто она сидит у кафе с ночи.

Идя вдоль двора и улыбаясь соседям и знакомым, девушка с облегчением подумала, что Олег сейчас далеко. Обычно он любил провожать ее долгим взглядом из окна, пристально наблюдая, как ее фигура исчезает за поворотом.

Место встречи оказалось очаровательным. Небольшой дворик-колодец, спрятанный за массивными воротами старого доходного дома, будто случайно уцелевший уголок старого Петербурга. По стенам тянулся плещ, несколько потрепанных временем скамеек стояли вдоль стен, словно созданные для долгих разговоров. Здесь почти не слышно города — только шелест листвы и далекий шум машин.

Лекс ждал ее, стоя у липы, и неожиданно хорошо вписывался в этот тихий двор. На нем была простая джинсовая куртка и темная футболка, но было в его облике что-то слишком спокойное и взрослое. Увидев Лану, он улыбнулся той самой мягкой улыбкой, которая так запала ей в душу.

— Привет, — негромко произнес он, и его взгляд скользнул по ее лицу, задерживаясь на мгновение дольше, чем требовала вежливость.

— Привет, — ответила Лана, чувствуя, щеки слегка вспыхнули.

Запланированная встреча оказалась куда более волнительной, нежели случайная. В те разы она даже толком не успела понервничать.

Они устроились на одной из скамеек, оставляя между со-

бой осторожную дистанцию. Разговор быстро перестал казаться неловким. Они снова говорили о книгах, о необычных местах в Петербурге, о каких-то незначительных событиях из жизни, но в каждом слове чувствовалась взаимная симпатия и растущий интерес.

— О, а ты видел тот классный фильм, где вся семья собралась на семейный праздник, все приехали и кто-то начал их по одному убивать? — уточнила Лана. — Не помню название, но такой классный фильм! Там неожиданно поворот сюжета и...

— А, кажется, я понял, о чем ты. Это же с актрисой из третьего “Шага вперед”?

— Да! — Девушка захлопала в ладоши от восторга. — Она такая харизматичная!

— Да, вроде смотрел, но давно. Люблю такие фильмы.

— А я редко смотрю подобное. Мне больше по душе что-то романтическое или что-нибудь тревожное и мрачное.

— Интересный разброс, — мягко усмехнулся Лекс, на что Лана наигранно обиженно надула губы. — Расслабься, я тоже люблю мешать жанры. Иногда хочется чего-нибудь исторического и размеренного, а иногда — кровь, напряжение, погоня.

— Вот да, все очень зависит от настроения, — согласилась девушка, и машинально покосилась в сторону арки, за которой просматривалась шумная улица. — Я бы выпила кофе.

— С языка сняла, — Романов слегка улыбнулся, подни-

маясь на ноги. — Подождешь здесь? Я скоро.

— Да, конечно.

Лана проводила его долгим, почти влюбленным взглядом, наблюдая, как он привычным движением достает из кармана телефон, и быстро набирает кому-то сообщение. Возможно, его кто-то потерял, а может, наоборот, он кому-то писал сам.

Сначала было страшно. Девушка так сильно нервничала, что то и дело меняла положение, пытаясь успокоиться. Словно это была их первая встреча. Но постепенно скованность начала отступать, и разговор наконец начал приносить удовольствие. В какой-то момент между ними неожиданно оказалось слишком много общего. Знакомых было больше, чем они думали в самом начале; они бывали в одних и тех же местах. Даже Лютеранское кладбище обожали посещать. Лекс поделился, что нередко гулял там, размышляя о чем-то своем или отдыхал от суеты, бродя между старыми памятниками. Лана только улыбнулась, радуясь очередному совпадению.

Романов вернулся очень быстро, уже привычно протягивая ей излюбленный раф. Девушка благодарно улыбнулась и торопливо сделала глоток обжигающего напитка. Она до сих пор не понимала, почему именно у него кофе всегда был по-настоящему горячим.

— Вообще я люблю смотреть фильмы дома, — призналась Лана. — В кино прикольно, но там люди еще какие-то, которые иногда шепчутся и мешают.

— А я наоборот. Обожаю кинотеатры. Там и попкорн вкуснее, и можно в полупустом зале ноги вытянуть, — отозвался молодой человек. — Один — идеально, но и с кем-то своим тоже приятно.

— С Мэдом? — улыбнулась девушка, почему-то очень ярко представляя себе поход с этим задорным парнем в кино. Наверняка разговаривал громче фильма.

— О да, — насмешливо отозвался Лекс. — Люблю его бесконечные комментарии. Они меня совершенно не бесят.

— Он забавный. — Внимание Ланы уже давно было сосредоточено совсем на другом. Она смотрела на расслабленное выражение лица своего спутника. Впервые за три встречи он выглядел немного иначе — не таким собранным, как обычно. Как будто позволил себе просто побыть здесь.

Лана спрятала улыбку в стаканчике с кофе, опуская глаза. Ей было слишком уютно рядом с этим человеком, и впервые за долгое время ей не хотелось никуда спешить.

Девушка выпила почти половину напитка, когда внезапно и у нее, и у Романова одновременно завибрировали телефоны. Бросив взгляд на экран, Лана испытала и радость, и разочарование.

«Хэллоу, гайз. Я таки поймал Кэт, отобрал список, повалил на пол и сел сверху! Поспешите, пока она не сбежала от меня! Кафе “Мечтатели”, через полчаса».

Лекс мимолетно закатил глаза и Лана не удержалась от смеха. Видимо, не все комментарии друга он любил.

— Представляю, как с ним весело.

— Очень, — вздохнул молодой человек, допивая свой американо, и небрежно забросил стаканчик в урну. — И это только первое сообщение. Если мы не поспешим, то их станет тысяча.

— Неужели они не найдут чем заняться? — без какой-либо задней мысли поинтересовалась Лана, но тут же перехватила насмешливый взгляд Романова.

— Прямо в кафе? Их выгонят.

Девушка тихо фыркнула, мысленно отмечая, что этому человеку доступен даже пошлый юмор, хотя внешне он казался таким серьезным и правильным. Но ее это нисколько не смущало. Возможно сама Лана не всегда видела намеки на подобные шутки, но они ей очень нравились. Особенно если были удачными.

Бросив взгляд на наручные часы, Лекс задумчиво покрутил запястьем.

— Мы не успеваем? — уточнила девушка, поднимаясь на ноги и допивая кофе.

— Я вызову такси.

— А пешком?

— Через мост долго идти, потом еще плутать там, — коротко отозвался Романов и открыл приложение на телефоне. Не прошло и трех минут, как он перехватил девушку за ру-

ку и потянул за собой. Лана непроизвольно вздрогнула, ощущая это теплое прикосновение, этот жест, такой решительный. Ей захотелось сжать его пальцы своими, прижать крепкую руку к своей груди и просто замереть рядом с ним. Но такси подъехало и ожидало их.

Молодой человек галантно открыл перед ней дверь, помог сесть, а затем обогнул машину и устроился рядом. Сел не вперед, а с ней, и у Ланы предательски потеплело внутри. Она робко взглянула на него, думая лишь о том, какими окажутся его губы на вкус.

Машина резко дернулась на повороте и девушка, замечтавшись, носом ударилась о плечо Лекса, морщась.

— Ты цела? — мгновенно встревожился молодой человек. Лана в ответ пробурчала что-то невнятное даже для самой себя. Просто набор недовольных звуков.

После этого Лана предпочла держаться ближе к Романову — на случай новых поворотов. Оставалось надеяться, что она не вылетит в окно. На всякий случай девушка даже подняла свое, избегая ненужных рисков. Возможно, Лекс угадал ход ее мыслей, потому что отвернул голову, скрывая улыбку, за что получил шлепок по груди. Лана фыркнула и прикрыла глаза.

У них оставалось совсем немного времени, чтобы провести его вдвоем.

Когда такси остановилось неподалеку от кафе, молодые люди вышли и, переглянувшись, поняли, что уютное ощущение

ние уединения тут же исчезло, зато впереди их снова ждало расследование.

У входа стояли двое: Мэд, привычно жестикулирующий слишком эмоционально, и Кэт, с игривой улыбкой наблюдавшая за ним. Она была эффектной шатенкой, с женственной фигурой и роскошным вырезом блузки, который был виден издали. Оба курили и смеялись.

Один только вид дыма мгновенно заставил Лану поморщиться. Сигареты она пробовала и бросила, разочаровавшись во вкусе и ощущениях. Ожидания не оправдались. Раньше она представляла, как изящно смотрится со стороны, а в реальности больше кашляла, чем выглядела эффектно.

— Надеюсь, ты готова? — поинтересовался Романов, извлекая из кармана пачку сигарет. Лана неодобрительно посмотрела на нее. Молодой человек пожал плечами и вытянул одну, зажимая ее зубами.

— Готова, готова, — проворчала девушка досадливо. На несколько часов Лана даже успела забыть, что вечером вернется Олег. — Надеюсь, что мы узнаем хоть что-то.

— Узнаем обязательно. Не сегодня, так завтра, — Лекс наконец закурил и с блаженством выдохнул дым в сторону. — В крайнем случае, сыграем в экспресс-мафию.

— Вчетвером?

— Впятером, — отозвался он и кивнул в сторону, откуда уверенным шагом к ним шла Карина.

Лана задумчиво прикусила губу, наблюдая за приближением подруги. Та гордо шла по узкому тротуару, вынуждая других расступаться перед ней. Серебрякова не могла не заметить, как улыбка Богдановой на секунду дрогнула при виде смеющихся Кэт и Мэда.

Когда все пятеро сошлись на одной точке, Рина бросила на курящую парочку весельчаков быстрый взгляд, но Лана с некоторым удивлением заметила в нем нотки ревности.

— Приветики, — Кэт улыбнулась вполне дружелюбно, а затем протянула руки к Лане, заключая ее в объятия. — Ку-колка, тебя посмели обидеть в моем доме? — проворковала она. — Мы обязательно найдем всех виноватых и сожжем их на ритуальном костре.

— А танцы в набедренных повязках будут? — деловито уточнил Мэд, докуривая.

— Естественно. А потом — полноценная оргия на костях.

— Какой ужас, — вырвалось у Карины, которая даже отступила на шаг назад.

— Да шучу я, — фыркнула Кэт. — На прахе. На костях больно.

Лекс хмыкнул и открыл дверь кафе, галантно пропуская всех вперед. Лана заметила, что Мэд, заходя после девушек, задержался, чтобы пошептаться с другом. И она готова была

многое отдать, лишь бы уловить хотя бы несколько слов. Но девочки уже окликнули ее и пришлось идти к ним.

Карина и Кэт сразу заняли дальний столик, где их никто не мог подслушать.

— Добрый вечер, меня зовут Петр, вы уже знаете, что будете заказывать или дать вам время?

— Здравствуйте, Петр, — Рина одарила его своей фирменной улыбкой. — Мы, пожалуй, подумаем.

— Но пока мы думаем, принесите нам вкусного чая, — добавила Кэт. Официант кивнул и удалился, задержав взгляд на Богдановой. К столику как раз подошли и парни.

— Новый поклонник? — поинтересовался Мэд у девушки. Та лишь фыркнула в ответ. — Да ладно тебе, я не против, чтобы тобой любовались, моя Мона Лиза. Трогать нельзя, смотреть можно.

Рина мимолетно закатила глаза и спряталась за меню, изучая его. Лана поджала губы, пряча улыбку. Подруга как-то говорила ей о своих запутанных отношениях с одним молодым человеком, но в детали никогда не вдавалась. Не хотела сглазить или считала, что это все несерьезно, а возможно придерживалась мнения, что счастье любит тишину?

Серебрякова не обижалась, понимая, что не все готовы рассказывать о сокровенном. Даже лучшие друзья. Хотя, Лана и поделилась с ней собственными переживаниями, но можно ли было назвать это влюбленностью? В самом ли деле она начала влюбляться в Лекса или же это ее богатое вообра-

жение нарисовало прекрасную картину? Лана всё чаще чувствовала себя героиней “Влюбленных” Магритта — будто между ними уже существовало что-то важное, но по-прежнему скрытое тонкой тканью недосказанности.

Официант наконец принес большой поднос, ставя на середину стола два пузатых чайника и аккуратно распределяя чашки.

— Предлагаю сразу пробежаться по списку гостей, чтобы отсеять самых неинтересных, — заявил Мэд, внезапно галантно разливая всем чай. Романов вальяжно откинулся на спинку стула, наблюдая за ним и лишь коротко поблагодарил кивком, когда тот добрался до его чашки.

— Ты хочешь сказать, что у меня на вечеринках — скучные люди? — Кэт оперлась локтями в стол, выразительно поднимая вверх тонкую бровь.

— Ну... Да? — Мэд рассмеялся. — Меня же там нет. Значит все скучно.

Девушка сделала вдох, а потом медленно сощурилась.

— Ты же был на моем дне рождения!

— Я ниндзя! — воскликнул парень. — Крадусь как тень, меня не видно и не слышно!

Кэт скептически приподняла бровь.

— Ладно-ладно, был я, сама знаешь, — вздохнул парень, не найдя поддержки. — А скучно было потому, что я пытался убедить троих пейзажистов и одного портретиста, что они могли бы объединить силы и нарисовать портрет на фо-

не пейзажа!

— Тебе что, заняться нечем? — Девушка фыркнула. — Да ты тот еще смутьян!

— Тише, тише, — парень помахал салфеткой у нее перед лицом на манер опахала. — Ты даже половину своих гостей не знаешь.

— И что с того? Я уверена, что даже те, кого зовут с собой, тоже интересные люди.

— Очень, — мрачно влез Лекс, переводя взгляд на Кэт. — Особенно один гость. Невероятно интересный персонаж. Девушка неопределенно пожала плечами.

— Я не могу запретить звать с собой друзей, — она вздохнула. — Мои вечеринки вышли на новый уровень. О них многие знают, о них говорят, на них хотят попасть.

— Слышу гордость в твоем голосе!

— А почему нет? Я же не зря старалась и вкладывалась, — Кэт снова пожала плечами. Затем отвела взгляд и извлекла из сумочки сложенный лист, на котором размашистым почерком были написаны имена и прозвища.

Лана сидела тихо, не вмешиваясь в этот странный диалог. Ей казалось, что она даже перестала дышать, пока Романов не коснулся ее руки и она выдохнула. Карина же делала вид, что и вовсе оказалась в этом кафе случайно.

— Так-с... Начнем с самого начала.

Лекс сделал глоток чая и чуть поморщился. Возможно, он был слишком преданным кофеманом, чтобы всерьез лю-

бить чай, но из вежливости не стал воротить нос. Лана сочувственно коснулась его локтя пальцами, на что молодой человек отреагировал едва заметной улыбкой.

— Это мой старый школьный приятель, — начала Кэт, отпивая немного чая. — Он частенько заглядывает ко мне. Как-то раз поделился секретом, что верит в судьбу и мечтает встретить ту самую, но пока безрезультатно... Так, а этот вечно путает мое имя с другим. Бесит. — Девушка сделала еще глоток, — а вот она... — Кэт чуть склонила голову набок, раздумывая. — А эта пыталась закадрить моего бывшего.

— Не было такого! — мгновенно оживился Мэд. — А о ком ты?

Кэт одарила его настолько выразительным взглядом, что даже Карина хихикнула, уронив на колени маску безразличия.

Романов вздохнул и чуть покачал головой. К шуткам Мэда иногда требовалась инструкция, так как не сразу становилось понятно, что надо смеяться. Лана, по крайней мере, догнала смысл далеко не сразу, но улыбаться было поздно.

— Я закажу на всех всего понемногу попробовать, — предложил Лекс, и направился к стойке, возле которой пасся официант. Лана проводила его долгим взглядом, не слушая Кэт, которая продолжала перебирать имена.

Пару раз она делала паузу, чтобы попить, и снова утыкалась в список.

Наконец Романов вернулся за стол и принял прежнюю позу ленивого кота, которого только что накормили.

— Смотрите, — Кэт наконец разгладила лист и положила его на стол. — Вот эта. Если я правильно помню, то она мне даже мельком показалась странной.

— Почему? — уточнил Мэд, перестав перетягивать с Кариной скрученную салфетку. Лана только сейчас поняла, что эта битва продолжалась несколько минут.

— У нее глаза бегали, я подумала, что она слегка того, — Кэт сделала большие глаза, — но потом она у кого-то громко спросила, где тут можно развлечься. Мне показалось это странным, — девушка фыркнула, явно оскорбленная таким вопросом. — Как бы... везде. Проходи, бери напиток и развлекайся.

— Думаешь, она имела в виду особые развлечения? — Лекс все же допил чай, подальше отодвигая чашку.

— Вполне. Я видела ее потом еще раз, она крутилась рядом с какими-то парнями, а потом, когда тот чувак, которого ты отметил кулаком, сбежал, она поспешила за ним.

— Хм, — Лана обхватила ладонями свою чашку. — Значит, они могут быть знакомы, и она пошла за ним, волнуясь.

— Ну, они могли познакомиться и у меня, сблизиться, — Кэт пожалала плечами, сама того не замечая. Казалось, что это ее любимый жест. — В любом случае, мне известно только имя — Лиза.

— Негусто, — заключила Богданова. — Мы же не будем

опрашивать всех Лиз в Петербурге.

— Нет, конечно, — отозвался Романов, опережая Мэда, который явно вдохновился этой идеей. — А с какими парнями она общалась?

Кэт задумчиво почесала кончик носа длинным ярко-оранжевым ногтем.

— Дай мне подумать, — ответила она помедлив. — Я попытаюсь вспомнить.

Официант стал приносить еду и друзьям пришлось прерваться ненадолго, чтобы поесть.

Лана лениво ковыряла вилкой оленину, которую Лекс уже успел разделить на порции. Карина, правда, отказалась, сказав, что не станет есть Мэда. Парень несколько секунд смотрел на нее непонимающим взглядом, после чего прыснул и шлепнул ее по колену. Девушка возмущенно воткнула вилку в своего кальмара.

— Господи, снимите уже номер, — не выдержала Кэт, поднимая глаза на эту забавную парочку. — В крайнем случае накройте пледом.

— Прямо здесь? — удивленно уточнила Карина.

— То есть само предложение погрязнуть в разврате среди бела дня тебя несколько не смутило, о, Афродита моего сердца? Только место не понравилось?

Рина явно не собиралась краснеть, но проиграла эту битву почти сразу, пряча лицо в ладонях. Кэт посмеялась, возвращаясь к своему стейку.

Лана все же оценила еду: стейк оказался удивительно вкусным.

— Может немного вина? — предложил Романов.

Все согласились, хотя Лана понимала, что Олегу это не понравится.

Но сейчас мысли о доме казались далекими и неважными. Зачем думать о будущем, пускай и ближайшем, если ей впервые за долгое время было так спокойно и хорошо.

Лекс заказал две бутылки сухого: белое и красное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.